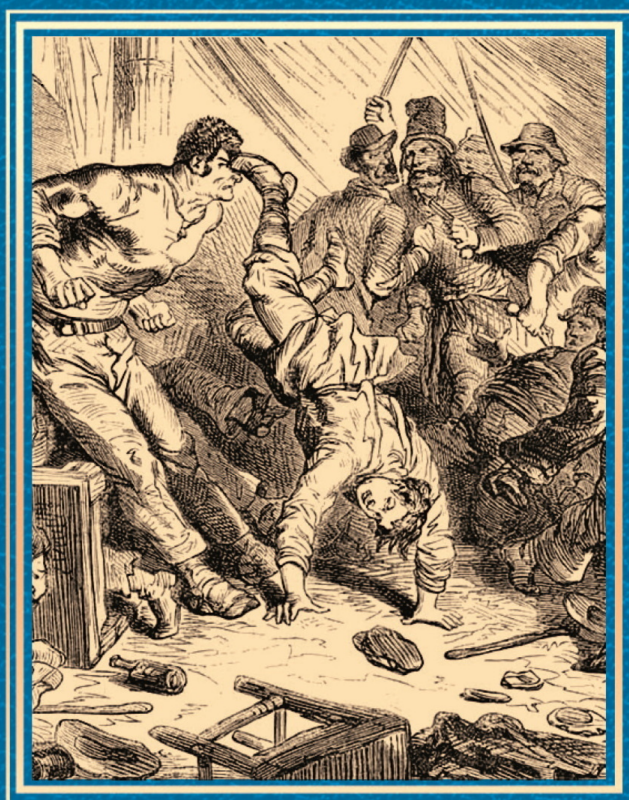

Поль Феваль

Золотая бочка

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Поль Феваль
Золотая бочка

«ВЕЧЕ»

1864

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фр)

Феваль П.

Золотая бочка / П. Феваль — «ВЕЧЕ», 1864 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-5129-4

В очередной том «Мастеров приключений» входит роман Поля Феваля «Золотая бочка» из серии увлекательных историй, рассказанных у камелька одной прекрасной маркизы. Узнав о диком и, как ей кажется, совершенно неправдоподобном случае с «Золотыми ножами», маркиза поведала свою, более правдивую, историю о человеке, который терпеть не мог приключения и отправился на край света по маршруту, нарисованному кровью на носовом платке. Невероятно, но факт – эхо некоторых сцен, образов и даже фраз из «Золотой бочки» слышится в романах Луи Буссенара «Похитители бриллиантов» и «Капитан Сорви-голова», написанных гораздо позднее. Издание украшает комплект оригинальных газетных иллюстраций. На русском языке роман публикуется впервые.

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-4484-5129-4

© Феваль П., 1864

© ВЕЧЕ, 1864

Содержание

Предисловие	9
Часть первая	11
I. Гнездышко птички-славки	11
II. Парапет	21
III. Катафалк	26
IV. Тяжелая дорога	34
V. Старый дом	39
VI. Бессонная ночь	45
VII. Революция в Мексике	51
VIII. «Святой Жан-Батист»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Поль Феваль Золотая бочка

Серия «Мастера приключений»

Перевод с французского *Л.И. Мерзона*

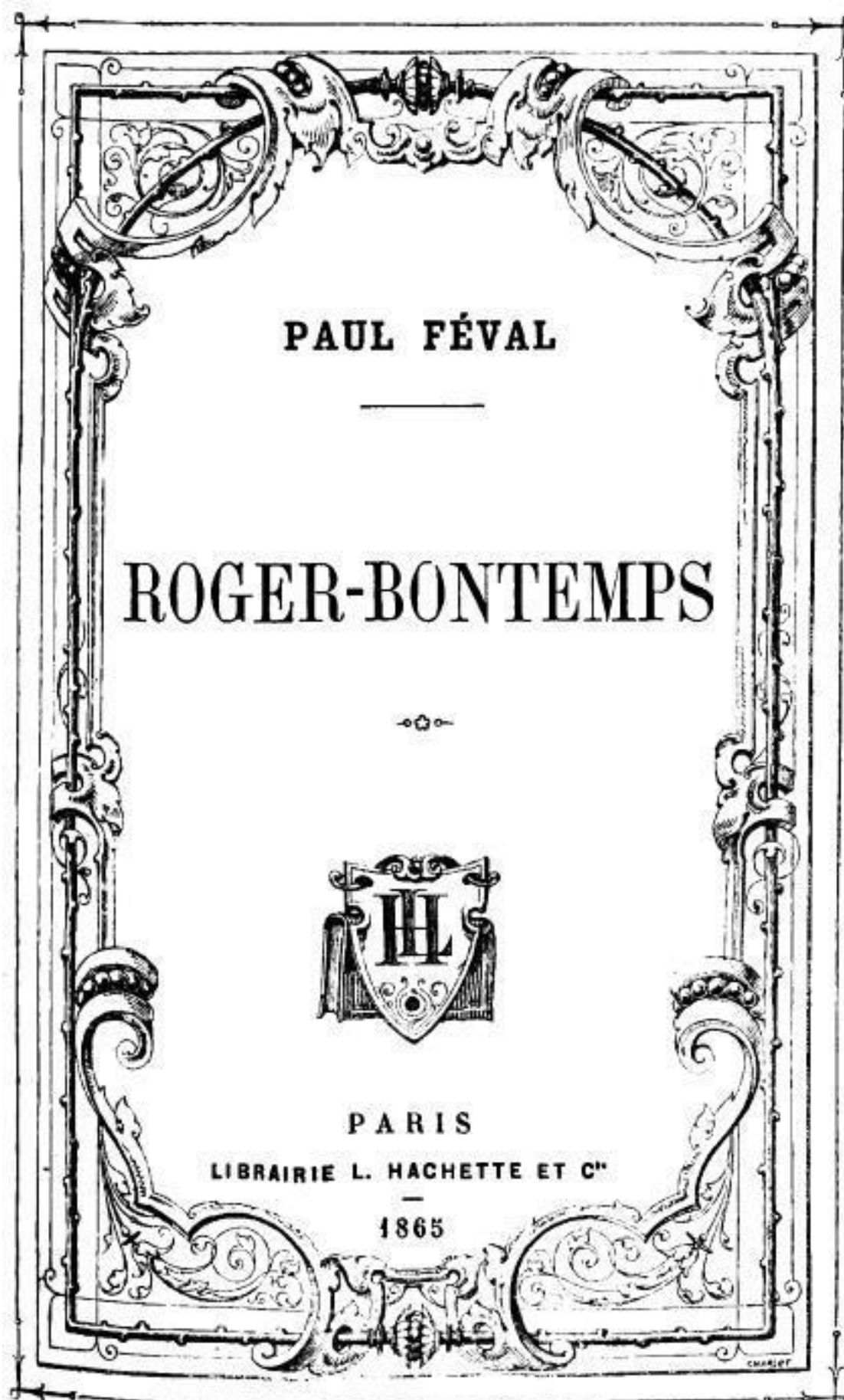

Иллюстратор *Орас Кастелли*

© Мерзон Л.И., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие

– В *«Газете для всех»*, – сказала мне маркиза, – я прочитала ваш неправдоподобный роман, которому вы дали название *«Золотые ножи»*¹. Мне нравится, когда в романах описывается реальная жизнь, и часто упоминаются чашки чая, бутерброды с маслом и рецепты консервирования артишоков. Поначалу я подумала, что речь пойдет о столовых ножах. Я даже решила, что Уильям, этот прекрасно воспитанный человек, собравшийся жениться на дочери методистского пастора, принесет их в качестве свадебного подарка в дом священника в футляре из шагреновой кожи. Мне очень хотелось узнать, что еще намерен вытворить ваш разорившийся лорд. Например, в коробке с ножами можно спрятать любовную записку. А если предположить, что действие происходит в Новом Орлеане, то можно допустить всякое. Например, коробка с ножами пропадает, и подозрение падает на какого-нибудь дядю Тома, которого нещадно колотят, после чего на шестистах страницах нам втолковывают очевидные вещи, вроде того, что рабство позорит страну, в которой с утра до вечера рассуждают о свободе...

– Иными словами, сударыня, вы разочарованы?

– А вы чего ждали? Надо же было придумать такое: по Парижу бродит дикарь! Слава Богу, что этот немой гурон не вознамерился написать новые *«Персидские письма»*! Какое счастье, что ваш гурон не наделен разумом Вольтера и не воспользовался своим исключительным положением, чтобы издать курс естественной философии! Следует ли это понимать так, что вашему ирокезу пришлось по душе наша религия и наше правительство? А чего стоят все эти безумные приспособления, вывезенные из Нового Света, которые вы разместили на холме Монмартра! А дуэль по-американски в предместье Сен-Дени!..

– Ничему из этого вы не поверили, сударыня?

– Конечно, нет... Между прочим, я знаю гораздо более захватывающую историю...

– И вы в нее верите?

– Как же можно в нее не верить, ведь это история моего нотариуса!

* * *

Так уж мы устроены. Среди нас не найдется ни одного человека, который хотя бы раз в жизни, выслушав интересный рассказ, не произнес бы фразу, в которой содержатся два противоречащих друг другу утверждения:

«Это неправдоподобно, но мне известны еще более удивительные приключения».

Имеется в виду, что известные ему приключения заведомо правдоподобны.

– Но почему вы так считаете?

– Потому что это исторический факт.

– Неужели? А что вы называете историческим фактом?

* * *

Итак, он нотариус. К чему это скрывать? Причем парижский нотариус. Этот факт не делает чести всем остальным нотариусам, но и несколько их не унижает. Он силен, как атлет, и

¹ Во второй половине XIX века в популярном еженедельнике «Газета для всех» из номера в номер печатались произведения известных авторов не только приключенческого жанра. Наряду с Февалем и Дюма там можно было встретить тексты Вольтера и Шатобриана, Шекспира и Свифта, Теккерея и Диккенса. Дальнейший рассказ маркизы о «Золотых ножах» – причудливая смесь верных и неверных деталей сюжета этого романа с героями и именами, взятыми с потолка. – *Примеч. ред. «Вече».*

отважен, как лев. Он хладнокровен, как краснокожий, и сообразителен, как дикарь с бульвара Капуцинок. Он добр, молод и красив. Он женился по любви на самой изысканной женщине...

И при этом он нотариус. Зачем он выбрал такую профессию? Он уверяет, что по призванию. Читателю еще придется в этом убедиться.

Вашему вниманию предлагается невыдуманная история Роже Казаля де Лавара, которого приятели зовут Роже-Добряк² и который в настоящее время является нотариусом госпожи маркизы.

² Роже-Добряк, он же Роже-Бонтан, – жизнерадостный бедняк, герой одноименной песенки Беранже (в русском переводе «Бедный чудак»).

Часть первая

Договор купли-продажи и брачный контракт

I. Гнездышко птички-славки

Прямо над резным каменным карнизом, окаймляющим крышу старого дома, располагалась маленькая дощатая площадка. Такая архитектурная причуда объясняется тем, что это был старый дом, расположенный в старой части Парижа, окна которого выходили на кедры Ботанического сада и одновременно смотрели на боковую часть Пантеона и тенистые аллеи Люксембургского сада. На площадке тоже имелся свой садик, который в тот вечер нежился в лучах заходящего солнца. Садик состоял из четырех горшков с розовыми кустами, двух горшков с душистым горошком и двух горшков с анютиными глазками.

В комнате имелось круглое мансардное окошко, из которого из-за крыш домов можно было разглядеть равнину Монруж.

Напротив окна и совсем рядом с кроватью, отгороженной чистенькой веселой занавеской из набивного кретона с рюшами по одиннадцать су за метр, располагалась небольшая дверь. Ничего не скажешь, прекрасно устроилась наша Нанон! Помимо такой миленькой и чистенькой комнатки, в которую мы с вами заглянули, в ее распоряжении еще имелся чуланчик, где хранились ее платья, и стояла печь с припасенными на зиму дровами. За все это великолепие просили всего сто пятьдесят франков в год. Сами понимаете, как завидовали нашей героине все флористки Латинского квартала.

Роже добирался до нее с другого берега Сены. Он уже не был студентом и проживал в деловом квартале, расположенном за Пале-Рояль. С высоты своей мансарды Нанон еще издали могла видеть, как он идет к ней через Люксембургский сад.

Нанон уже исполнилось двадцать лет, а Роже исполнилось ровно столько, сколько необходимо, чтобы стать нотариусом.

При этом по сравнению со своей Нанетой Роже был совсем еще ребенком.

Вы и без меня уже догадались, что они были влюблены друг в друга. Но это была не та влюбленность, которая распространена в игривых кварталах, обожаемых разными серьезными людьми, вроде молодых докторов или судейских чиновников, которые года три предаются любовным утехам, а затем дремлют и скучают всю оставшуюся жизнь. Для того и придумали провинцию, чтобы молодые провинциалы могли вкусить безумства парижской жизни, благодаря которым три года непрерывной зубрежки вспоминаются ими, как самое веселое время жизни.

В комнатке Нанеты не было камина, поэтому два дорогих ей портрета висели по левую и правую сторону от вытяжной трубы ее печурки. На одном из них был изображен седой кавалерийский капитан, а на другом немолодая женщина, сохранившая остатки былой красоты. Так и жила Нанета под их неусыпными взорами. При этом своего Роже она любила совсем не так, как принято любить в Латинском квартале.

Да-да! Нанета была девушкой разумной, хотя и слегка сумасбродной. Роже постоянно повторял ей: «Когда ты станешь моей женой...»

«Жди-дожидайся!» – ворчала старая привратница, которой Нанета всегда без опоздания вносила плату за комнату.

Та же самая привратница, закончив ворчать, добавляла: «Пейте больше воды!»

Нанон и пила воду или вино в зависимости от того, что имелось под рукой.

И при этом она продолжала верить всему, что говорил Роже.

А что же Роже? Он верил, что данное им слово тверже железа. Во всей Франции и Наварре не нашлось бы такого же преданного молодого человека, каким был Роже. Если бы кто-то решился спросить, каковы его намерения в отношении Нанеты, то на него устремился бы гордый открытый взгляд, полный искреннего удивления. Ну надо же задавать такие смешные вопросы! До встречи с Нанетой он вел весьма беспорядочную жизнь, из-за чего его старушка-мать буквально умирала от расстройства чувств...

Штука в том, что у Роже имелась мать, женщина тихая и ласковая, которая одновременно была особой благородной и в то же время буржуазной. Благородной ее делали воспоминания, которыми она жила, а буржуазная сторона ее натуры проистекала из страстного желания как можно лучше устроить в жизни своего дорогого сына. Я не уверен, что люди, принадлежавшие к роду Казаль де Лавар, когда-либо участвовали в крестовых походах, и тем не менее наша добрая дама очень гордилась своим происхождением. Так, она утверждала, что один из ее предков служил под началом герцога Мортемара, а другой представитель рода Казаль де Лавар командовал эскадрой, правда, не приобрел такой же известности, как Жан Барт.

Как часто, испуская горестный вздох, она повторяла: «В прежние времена мы принадлежали к дворянству шпаги».

Но сколько ни гордись своими предками, а приходится думать о том, как пристроить юного Роже. Ее сын мог бы стать прекрасным военным. Но увы! В тот момент он служил клерком у мэтра Дени-Тибюрса Пьеданиэля, нотариуса Общества ценителей благородных вин и компании «Бодельон» (производство концентрированных удобрений).

Роже был стопроцентным парижским парижанином, что встречается довольно редко. Нанета родилась в Бретани в окрестностях города Орэ. Ее отец, старый солдат, всю жизнь мечтал стать хозяином табачной лавки, да так и умер, не осуществив свою мечту. Мать, отдавшая всю себя воспитанию дочери, скончалась ненастным зимним вечером, когда девочке исполнилось четырнадцать лет. Так Нанета осталась одна-одинешенька на всем белом свете.

На последние деньги она купила участок на кладбище рядом с могилой капитана. Там, в укромном уголке кладбища Монпарнас, всегда лежали свежие цветы и часто можно было видеть коленопреклоненную Нанету.

Вот так, возвращаясь с кладбища, Нанета впервые повстречала своего Роже. Было уже темно, когда она одна шла по бульвару, и тут ей перегородили дорогу подвыпившие студенты. Находившийся неподалеку Роже услышал, как чей-то детский голос зовет о помощи. Впоследствии вам еще не раз придется убедиться в том, как страстно он ненавидел всяческие приключения, но, попав в гущу событий, Роже всегда действовал сообразно обстоятельствам. Роже с отвращением разбил физиономии нескольким студентам, которые вскоре стали его близкими товарищами, и проводил Нанету до дома. По дороге они влюбились друг в друга.

Вот, собственно говоря, и вся история.

Нанон знала множество бретонских песен, которые она распевала с самого детства. Слушая, как она поет, Роже, сам того не желая, смеялся и плакал. У нее был слабый, но очень приятный берущий за сердце голосок. Такой голос часто раздражает старых завистливых женщин. Недаром привратница постоянно говорила жильцам: «Птички-славки поют только весной. Но погодите, скоро придет зима!»

Нанета ждала прихода зимы и продолжала петь. Все соседи знали припев ее любимой песенки, которую можно было услышать лишь в те минуты, когда она поливала свой садик. Все остальное время она сидела в четырех стенах и занималась лишь одним: она *скручивала*. Это такой технический термин, который известен всем работницам жалкого цветочного промысла. Она скручивала букетики васильков, легчайших садовых выюнков, маков и других цветов, которые в ее волшебных пальчиках становились еще краше и милее.

По воскресеньям Нанон и Роже надевали одежду для загородных прогулок и отправлялись в окрестности Парижа, в те места, где раскинулись огромные поля, заросшие незабудками

и гиацинтами. Оттуда они привозили огромные охапки свежих полевых цветов. В понедельник Нанета посещала торговку мадам Моконсей, которая учила ее делать удивительные букеты, приносявшие торговке немалую прибыль. Нанета не видела в этом ничего плохого.

У Нанон были яркие светлые волосы, которые эффектно сияли при свете солнца. Они росли так пышно и обильно, что девушка едва с ними справлялась. Когда она сидела в одиночестве, ее темно-синие глаза печально устремлялись к небу. Ротик у нее был миниатюрный, веселый и подвижный, а нежный голосок, казалось, шел прямо из глубины ее доброго сердечка.

При этом в отваге она не уступала молодым мужчинам.

Роже сам не понимал, как сильно он ее любит. Он был красивым высоким парнем, элегантным от природы, излишне беззаботным и при этом парижанином до мозга костей, неспособным устоять перед парижскими соблазнами, которые часто сводят в могилу приехавших в Париж провинциалов. Роже обожал свою мать, а к работе относился равнодушно и выполнял ее чисто механически, как это свойственно людям неглупым и ленивым, к числу которых он и относился. Он искренне полагал, что рожден для работы в нотариате, который надежно защищен от каких-либо приключений. Приключения он ненавидел так сильно, что друзья называли его романистом, ушедшим на покой.

Редко можно встретить таких непохожих друг на друга людей, как Нанета и Роже. Каждый из них был противоположностью другого, однако, уж не знаю почему, но при виде одного из них сразу вспоминался другой, возможно, оттого что у обоих был открытый характер, и оба излучали уверенность и отвагу.

Однажды утром, когда они садились в фиакр для воскресной прогулки, привратница, у которой внезапно потеплело в том самом месте, где у людей находится сердце, ни с того ни с сего произнесла: «Все это слишком красиво и потому не может продолжаться долго. Такая парочка испортит жизнь всем остальным семействам».

И вот наступил вечер. На башне Сен-Жак пробило шесть часов. Обычно Роже являлся к половине седьмого. В шесть Нанета, как правило, еще сидела на своем рабочем месте, но в тот вечер она не прикоснулась к работе. Прячась за своими цветами, она всматривалась в дорожки Люксембургского сада. Происходило это в конце октября. Закатное солнце ярко освещало ее пустую комнатку.

Внезапно отворилась дверь чуланчика, и оттуда послышалось чье-то бормотание.

Нанон подскочила и закрыла дверь. В этот момент она была красной, как вишня. Но, закрыв дверь, она вдруг страшно побледнела, а ее глаза налились слезами. Девушка была так сильно взволнована, что, посмотрев ей в глаза, можно было подумать, что у нее помрачился рассудок. Какое-то время она сидела неподвижно, словно пытаясь собраться с мыслями, а затем уселась за свой рабочий столик и обхватила голову руками, которые сразу исчезли в огромной копне волос. Было видно, что ее грудь периодически сотрясают рыдания.

Будь вы на месте Нанеты, вы бы ничего не услышали, потому что ее гнездышко находилось на большом удалении от первого этажа, и звуки улицы влетали в него только через окно. А вот она сразу различила особые звуки. Она даже вздрогнула, а ее руки сами взметнулись и резким движением откинули волосы назад, чтобы было лучше слышно.

До чего она была очаровательна в тот момент со своими влажными покрасневшими глазами, перекошенным личиком и напряженной позой.

– Он появился раньше обычного! – прошептала она, вставая.

Она узнала шаги Роже, когда он еще только поднимался по первому пролету лестницы.

Одним движением руки волосы были собраны в узел и заколоты черепаховым гребнем, глаза были решительно вытерты, а на лице появилось подобие улыбки. Она схватила букетик цветов и уселась на свое обычное место у окна.

Роже поднимался медленно. Он был еще только на третьем этаже.

«А ведь он всегда быстро шагает через ступеньку!» – подумала она.

Ее красивые пальчики уже что-то скручивали, да еще как ловко! Одно движение – и готов букетик ландышей. В глазах девушки застыла смертельная тоска, а еще в них можно было углядеть глубокую озабоченность и признаки умственной работы. Ее страдание соседствовало с сомнением, а быть может, с надеждой.

Как только шаги Роже явственно прозвучали на площадке четвертого этажа, она тут же заставила свои губы растянуться в улыбке. Но этого было недостаточно. Она заставила свой голосок затянуть песенку, причем поначалу голос дрожал, но потом окреп. А все потому, что под этой хрупкой оболочкой скрывалась железная воля.

Она знала много бретонских песен и, не задумываясь, выбрала ту из них, в которой парень из ее родного города Орэ сначала умоляет Святую Анну, мать Пресвятой Богородицы, а потом даже начинает и грозиться.

В городке Орэ вечером
Я отправлюсь к Святой Анне босиком.
Отнесу я ей цветочков букет
Краше их на всем свете нет.

Этот припев с руладами выходил у нее лучше всего. Бывало, что она начинала петь, когда Роже поднимался по лестнице, и тогда он замедлял шаг, чтобы лучше слышать. Но на этот раз он не стал останавливаться.

Нанон продолжала петь, и если бы вы услышали ее песенку, то решили бы, что она веселится, словно пускающий трели зяблик.

Дочка старого Микая, вот беда,
Умыкнула мое сердце навсегда.
Но жених я никудышный – голытьба.
Знать судьба идти в солдаты, вот беда!
А как найду я клад,
Буду страшно рад.
Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.
В городке Орэ вечером
Я отправлюсь к Святой Анне босиком.
Отнесу я ей цветочков букет
Краше их на всем свете нет.

Роже дождался, когда она допоеет припев и только тогда открыл дверь. Нанон сразу это заметила.

А ведь он бежал к ней. На лбу у него блестели капли пота. Но почему он так медленно поднимался на пятый этаж?

– Здравствуй, дорогая, – сказал он, войдя в комнату.

Нанета лишь слегка кивнула ему в ответ и продолжила петь свою песенку.

Мой кузен готов за флорин
За меня послужить королю.
И теперь у Катрин я останусь один,
И поймет она, что ее сильно люблю.
А как найду я клад,
Буду страшно рад.

Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

– Я смотрю, у тебя сегодня хорошее настроение, – произнес Роже, подходя к ней и намереваясь ее обнять.

Она подставила ему щеку и взглянула в глаза, продолжая вызывающе распевать припев:

В городке Орэ вечером
Я отправлюсь к Святой Анне босиком.
Отнесу я ей цветочков букет
Краше их на всем свете нет.

– Я чуть не поверил, что, если пойти на поклон к святой, то можно обнаружить клад... – перебил ее Роже.

– Как бы не так! – отозвалась она. – Такое возможно только в песенках.

И букетик штопором закрутился в ее пальчиках.

Лицо у Роже было как открытая книга. То же самое можно сказать и о Нанон. Они видели друг друга насквозь. Между ними никогда – подчеркиваю, никогда! – не было ни секретов, ни недомолвок.

Роже присел. Какое-то время оба молчали.

– Ты больше не поешь? – принужденным тоном выдал из себя Роже.

– Нет, – сухо ответила Нанета.

Затем, взмахнув длинными ресницами и бросив на него лукавый взгляд, она добавила:

– Еще нет половины седьмого.

– Я торопился увидеть тебя, – поспешно ответил Роже, охотно воспользовавшись представившейся возможностью объясниться.

– Чем раньше начнешь, тем быстрее освободишься, – пробормотала Нанон, лихо скручивая букетик.

Он бросил на нее удивленный взгляд.

А она тут же замурлыкала куплет:

В кабачок с утра я тащусь.
Там стаканчиком вина угощусь.
И когда на Катрин я женюсь,
Так уже всю разойдусь.
А как найду я клад,
Буду страшно рад.
Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

Как раз в тот момент, когда она собиралась затянуть припев, Роже очень серьезно спросил:

– Что-то случилось?

– Да уж случилось!

– Это секрет?

– У всех есть свои секреты!

Роже покраснел и попытался взять ее за руку, но она оттолкнула его.

– Просто я не знаю, где лежит клад! – пробормотала девушка, сдерживая рыдания.

Но она тут же взяла себя в руки и громко пропела:

Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

После этих слов она расхохоталась.

Но в напряженной атмосфере комнатки смех прозвучал очень печально.

– Ну что ж, – неожиданно произнес Роже. – Я собирался кое-что тебе сказать. Мама хочет меня женить.

– Известное дело! – четко отозвалась Нанон, пожав плечами.

Хочу сразу подчеркнуть, что такой стиль был ей совсем несвойственен. Нанон, конечно, была гризеткой в полном смысле этого слова, но она никогда не употребляла типичные и неблагозвучные слова и обороты гризеток, которых они успевают нахвататься в театрах низкого пошиба. Обычно Нанон говорила так, как думала, то есть правильно и добропорядочно. Но сегодня на нее явно что-то нашло. В ее голосе, взгляде, жестах, во всем ее существе чувствовался нескрываемый вызов.

Роже удалось взять ее за руку, и он почувствовал, как дрожат ее пальцы. Рука была холодна и безжизненна. Он вновь поцеловал ее. Щека была горяча как огонь.

– Ты кого-то встретила? – пробормотал он.

– Возможно, следовало бы это сделать, – с горечью отозвалась она, – на другой день после вашей свадебной церемонии.

– Церемонии не будет, если ты этого не захочешь, – ласково произнес Роже.

Нанон, отводя взгляд, повторила:

– Известное дело!

– Послушай, – сказал Роже, сдерживая раздражение, – ты пытаешься уколоть меня и делаешь это совершенно напрасно, потому что я в затруднении...

– Ах вот как! – с сарказмом подхватила она. – Значит, у тебя затруднения. Так я и знала!

– Я сроду не видел тебя такой, Нанета!

Ее маленькие розовые губки уже приготовились выдать острое словечко, но она сдержалась и только ответила:

– Возможно!

Роже выпустил ее руку, которая в отчаянии безвольно повисла, но длилось это не дольше мгновения, и только опытный наблюдатель мог бы заметить, что девушка находится на грани обморока. Она быстро взяла себя в руки, и ее пальчики принялись скручивать букеты с удвоенной скоростью, а куплет, который она затянула, теперь походил на объявление войны:

Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

– И что бы ты с ним сделала, бедная моя Нанон? – спросил Роже, которого даже умилила эта попытка уколоть его побольнее.

– Вас это больше не касается, – ответила она.

Он резко поднялся, словно ее слова разбредили какую-то тайную рану. Затем он стал кружить по узкой комнатушке, и каждый предмет, будто нарочно, лез ему в глаза, словно намекая на скорое расставание. Нанета лукаво следила за ним и продолжала напевать.

Внезапно вся эта сцена предстала совсем в другом виде. Нанон на мгновение отвернулась, и выражение ее лица полностью изменилось. Теперь оно выражало прекрасное и искреннее любовное чувство.

– Кто успел тебя предупредить? – внезапно спросил Роже.

– Было кому, – отозвалась Нанета.

Нет ничего красноречивее таких детских ответов, которые сами по себе не имеют никакого смысла. Роже повернулся к ней и скрестил руки на груди.

– Ты ведь прекрасно знаешь, – заговорил он, – что моя добрейшая мать опекает меня с самого рождения. У нее никого нет, кроме меня, и мечтает она лишь о том, чтобы устроить мое будущее. Я никогда ей не перечил и собирался сегодня вечером...

Нанон ухватила белыми зубками шелковую нить.

– Вот как!.. – вызывающе откликнулась она.

Затем она сделала вид, что зевает, прикрыв рот ладошкой.

– Я говорю тебе о моей матери! – сказал Роже, начиная злиться по-настоящему.

– Она блондинка или брюнетка эта твоя барышня, у которой кое-что припасено? – спросила Нанета.

– Тебя ли я слышу? – пробормотал бедный юноша. – Похоже, что раньше я был не в себе!

– Да ладно тебе! – произнесла она, сопроводив эти слова жестом, означающим, что теперь ей все безразлично. – Надо же расплатиться за твое собственное нотариальное бюро, малыш... Я вовсе не сержусь... Теперь-то чего смущаться?

Это уже было слишком. Она явно перестаралась. Теперь Роже не верил ни одному ее слову. Его нахмуренный лоб разгладился.

– Ты мстишь мне, – сказал он. – Все очень просто. Теперь я окончательно понял, как сильно я тебя люблю... Ты меня напугала.

На лице девушки появилось странное выражение. Она прямо взглянула ему в глаза и тихо произнесла:

– Все мужчины трусы!

– Да что ты выдумываешь, в конце концов! – взорвался Роже. – Разве я когда-нибудь обижал тебя или обманывал? Я твой и только твой. Мне даже кажется, что ты единственная женщина на свете, предназначенная только для меня. Но по-другому я не мог... Я и вправду струсил... Я испугался своей матери, которой позволил договориться за моей спиной... Я каждый день собирался рассказать ей, что мое сердце несвободно... но так и не решился. Ты спросишь, почему? Да потому что, если бы между нами встала моя мать...

Нанета с огромным трудом отводила взгляд. Если бы ей не хватило на это сил, то ее мокрые смеющиеся глаза сразу выдали бы, что творится у нее на душе. Но Роже неожиданно вздрогнул и запнулся. Его взгляд приковала к себе дверца чуланчика, из которого донеслись странные звуки.

Нанета тоже их услышала, и краска немедленно залила ее лицо.

На Роже ее реакция подействовало сильнее, чем доносившиеся из чулана звуки. Он побледнел и задрожал.

Странное поведение любимой девушки выглядело очень загадочно. Быть может, тайна в том и состояла, что кто-то скрывался за дверцей чуланчика?

Наступила звенящая тишина. Из чуланчика больше не доносилось ни звука.

Нанон, не поднимая взгляда, вновь затянула свою песенку, стараясь, чтобы ее голос звучал легко и безразлично. Луч заходящего солнца заиграл на ее волосах и высветил тонкие черты лица. Она была невероятно красива.

Роже показалось, что костлявая рука сжала его сердце. Он жадно смотрел на любимую, размышляя о том, что, возможно, видит ее в последний раз...

Вы уже знаете, что он был отважным молодым человеком.

– Вы здесь не одна, Нанон, – пробормотал он, да так тихо, что девушка скорее догадалась, чем услышала его слова.

У нее перехватило дыхание, но бывают такие минуты, когда глаза намеренно не желают ничего видеть, а уши слышать. Она ответила вызывающим тоном:

– Об этом после! И когда это произойдет?

– Там кто-то есть, – сказал Роже, указывая пальцем на дверь.

Нанон взглянула на дверцу.

– Если тот, кто там прячется, не жалкий трус, – возвысил голос Роже, – то я предлагаю ему выйти к нам.

Нанон отбросила незаконченный букет и устремила взгляд в пол, словно ожидая, что предложение Роже будет исполнено. Никогда еще она не казалась Роже такой красивой.

Ему даже показалось, что девушка собирается что-то сказать. Она действительно приоткрыла рот, но лишь для того, чтобы издать резкий, сухой смешок. Он и представить себе не мог, что когда-либо услышит что-то подобное. Этот смех был подобен пощечине, полученной от соперника.

Он схватил шляпу, которую, входя, бросил на стул, но не стал уходить. Ему захотелось увидеть страдание в глазах девушки.

– Нанета, – с надрывом произнес Роже, – если я сейчас уйду, то уже никогда не вернусь.

В ответ послышался какой-то звук, похожий то ли на рыдание, то ли на подавленный приступ смеха.

Нанон так и не оторвала взгляд от пола. Тем не менее она сказала:

– Вы уже достаточно взрослый и сами знаете, как вам следует поступать.

– Прощайте, Нанета, – с болью в голосе промолвил Роже. – Будьте счастливы.

– Спасибо, – ответила она. – А вам я желаю удачи.

Роже вышел из комнаты. На лестнице до его слуха донесся последний куплет песенки:

Приди мне на помощь, матушка святая.
Сколько молитв я прочел, не считая!
Что тебе стоит чудо явить,
Счастье послать и меня не сердить?
А как найду я клад,
Буду страшно рад.
Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

Роже стал спускаться по лестнице. Нанета прислушалась и услышала звук его шагов. И тогда она запела срывающимся голосом:

В городке Орэ вечером
Я отправлюсь к Святой Анне босиком.
Отнесу я ей цветочков букет
Краше их на всем свете нет.

Все было кончено. Она сделала все, что могла. Ее руки с силой прижались к груди.

Шагов Роже больше не было слышно.

Помертвев, она рухнула на стул.

В этот момент открылась дверца чуланчика. На пороге появилась седая женщина в черной шелковой шляпке с добрым ласковым лицом. Черты ее увядшего лица напоминали молодое красивое лицо Роже. Она торопливо просеменила по комнатке. Сильное волнение заставило ее пошатнуться. Глаза женщины были полны слез.

Нанон очнулась и спрятала лицо на коленях госпожи Казаль де Лавар, матери Роже.

– Вы мной довольны? – спросила она, пытаясь улыбнуться.

Пожилая дама наклонилась и поцеловала ее в лоб.

– Если бы мы были богаты... – начала было она.

Но поскольку Нанон гордо вскинула свою очаровательную головку, женщина поспешно добавила:

– Дитя мое, вы не поняли, что я хотела сказать. Невозможно возместить деньгами то, чем вы пожертвовали. Я собиралась сказать: если бы мы были богаты, то из всех женщин на свете я выбрала бы только вас, потому что только с вами мой Роже был бы счастлив. У вас золотое сердце.

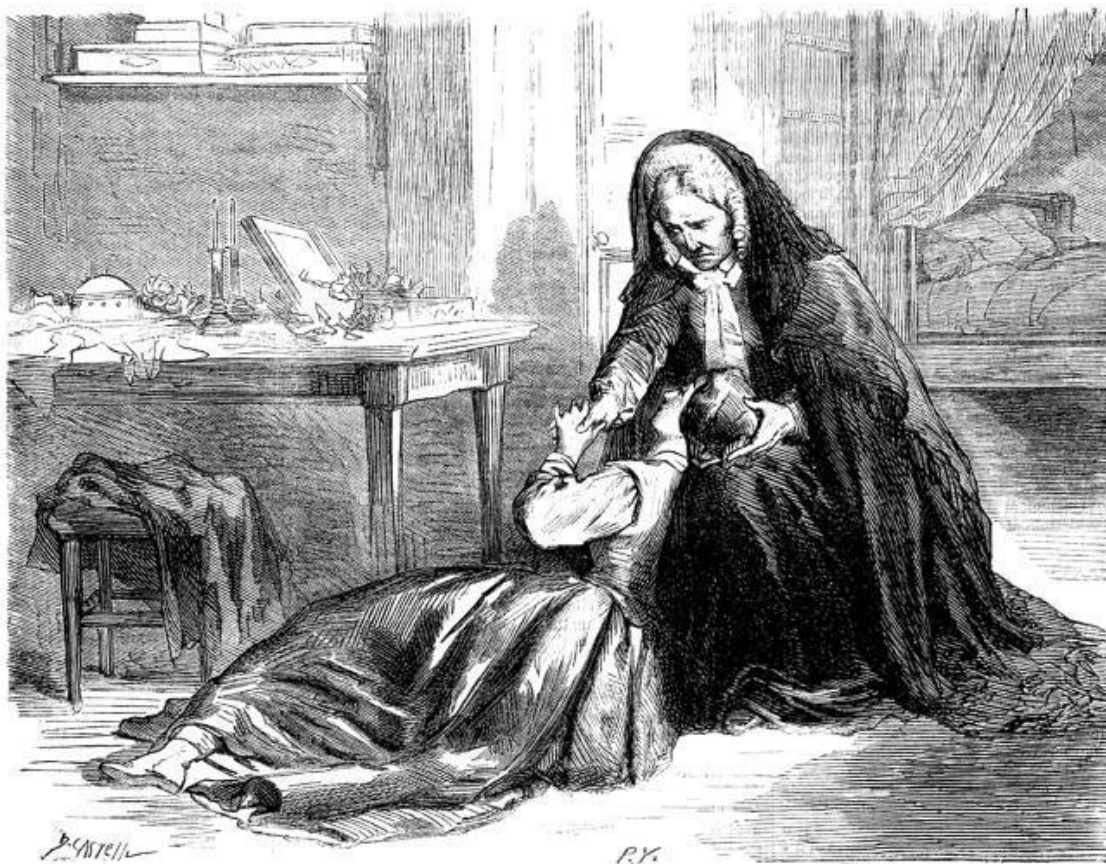
– Я очень его люблю, – просто и спокойно сказала она. – Я поняла, что вы любите его даже больше, чем я, потому что вы его мать. Меня буквально убила мысль о том, что я могу испортить ему будущее и помешать устроиться в жизни. Бедная женщина не может сделать человека богатым, в противном случае я бы поспорила с вами, сударыня.

– И что вы теперь собираетесь делать? – спросила мать Роже.

– Мне кажется, – задумчиво ответила Нанета, – что долго я не проживу.

Пожилая дама опечалилась.

– Такая угроза недостойна вас, – сказала она.

– Если бы мы были богаты...

– О! – отозвалась Нанета, и ее лицо озарила детская улыбка. – Я имела в виду, что очень его люблю, и это правда, ей-богу. Я вовсе не угрожаю. Если бы действительно произошло такое несчастье, то это испортило бы ему жизнь, ведь он любит меня. Я хорошо его знаю. В своем доме он повсюду видел бы меня мертвой... и общаясь с женой... и глядя на своих детей... Нет, я не собираюсь себя убивать... хотя мне, конечно, горько думать об этой женщине и этих детях... По ночам мне часто казалось, что я вижу нашего ребенка, которого мне обещала святая Анна... Нет, нет... Пусть он будет счастлив со своим богатством. Он достаточно страдал со мной... Умру я не в Париже... Здесь, рядом со мной, жила одна девушка. Ее друг женился, и она уехала. Звали девушку Фанфарой, потому что она производила много шума, когда чему-

то радовалась. Роже с ней знаком. Она никому не докучала своей бедой. В итоге она уехала в Америку или куда-то еще, не знаю... А если человек уехал в такую даль, то никто не знает, жив он или умер.

Госпожа де Лавар обняла ее и прижала к груди.

– Да, да, – задумчиво произнесла она, – вы, конечно, сильно любили его, доченька.

– Надо же, его мать обнимает меня и называет доченькой, – прошептала Нанета. – Каждого, кто творит добро, ждет награда. Я буду жить и умру, вспоминая вашу доброту.

– А что, если я все-таки ошиблась! – промолвила пожилая дама. – Что если я украла его счастье?

Нанета взяла ее руки в свои и прикоснулась к ним губами.

– Матери никогда не ошибаются, – сказала она. – У меня больше нет родителей, и я изготавливаю цветы. Жениться на такой девушке, как я, это значит свернуть себе шею, ведь это так, сударыня? Обнимите меня еще раз и молитесь за меня, а я буду молиться за вас. Прощайте.

II. Парапет

Когда во время учебы в коллеже Генриха IV Робер-Дьявол³ и Роже-Добряк приходили к согласию, все споры вокруг моментально прекращались. Ребяшня в коллеже довольно быстро поделилась на сторонников Добряка и сторонников Дьявола, образовав два непримиримых лагеря. Однако несмотря на огромную разницу характеров между обоими вожаками сразу возникла прочная дружба. Роже был добрым, немного брюзгливым и, как все беззаботные натуры, предпочитал жить легко и просто. Что же касается Робера-Дьявола, настоящее имя которого Робер Морнэ, то он, как и положено людям амбициозным, был легковозбудимым, имел деспотические наклонности, но порой проявлял истинно женскую нежность.

Роже был красивым парнем. Робер был само очарование. Роже был сильным, преданным и отважным. Робер был склонен к рыцарским поступкам, но подчас демонстрировал слабость. Иногда он был просто ужасен, и его опасались гораздо больше, чем Роже.

Ни тот ни другой не отличались заметными успехами в учебе. Так называемые «хорошие ученики» редко становятся заводилами на переменах. В целом успеваемость у обоих была примерно одинаковой и считалась удовлетворительной. Робер обожал поэзию, но при этом имел склонность к математике и географии. Он с жадностью набрасывался на приключенческие романы, в особенности на те из них, в которых речь шла о мексиканских похождениях. Такие романы благодаря двум молодым ярким и темпераментным писателям, к тому же связанным узами родства, Габриэлю Ферри и Полю Дюплесси, вошли в моду в середине XIX века⁴. Робер мечтал стать «золотоискателем» и с увлечением учил английский и испанский языки, надеясь со временем стать своим человеком в той романтической стране, где золото буквально валяется под ногами.

Роже тоже учил английский язык, но только для того, чтобы потрафить своему любимому другу. Превыше всего на свете он ценил комфорт, а свою будущую жизнь описывал такими словами: «Хороший супруг и прекрасный нотариус». Правда, когда Робер втягивал Роже в свои безумные проделки, оттащить будущего нотариуса приходилось силой... «за шкуру, как кусачую собаку», если пользоваться выражением Томаса Стоуна, преподавателя английского языка и старого философа.

Резюмируя сказанное, можно выделить главные черты их характеров: Роже ненавидел приключения, а Робер их обожал. По этому поводу Томас Стоун выразился так: «Робер-Дьявол будет принимать приключения маленькими порциями, по паре стаканчиков в день, но если в приключение впутается Роже-Добряк, то он мгновенно осушит целую бутылку».

В сентябре 1852 года друзья сидели в отдельном кабинете ресторана Даньо, куда они явились, чтобы вкушать прощальный обед. Роже грустил, зато Робер был полон радостных надежд. Годы университетского затворничества остались позади, и Робер мечтал вырваться на свободу и объездить весь мир.

– В прежние годы, – сказал Роже, – когда на каникулах ты уезжал домой, мы договаривались встретиться через два месяца.

– Но теперь мы расстаемся на два года, а то и на все десять, – откликнулся Робер. – Когда ты вновь увидишь меня, я уже буду богатым человеком.

³ Прозвище грозного герцога Нормандии Робера I (ок. 1000—1035), героя одноименной оперы Джакомо Мейербера.

⁴ Габриэль Ферри (1809—1852) – автор романов «Лесной бродяга» (1850), «Косталь-индеец» (1852), действие которых происходит на американском Западе, один из первых европейских писателей, получивший прозвище «французский Купер». Поль Дюплесси (1819—1861) – автор многотомной серии о пиратах «Буканьеры» (1853—1854), романов о Мексике и индейцах: «Американские приключения» (1860), «Краснокожие» (1864) и мн. др. Некоторые источники утверждают, что Дюплесси был племянником Габриэля Ферри. Далее Феваль называет их кузенами (двоюродными братьями или просто дальними родственниками).

Роже покачал головой, а Робер решительным тоном продолжил:

– Сейчас моего отца зовут просто Морнэ, но рядом с нашим домом находится поместье, раскинувшееся на двух тысячах гектаров. По виду это настоящее королевское владение, красивее которого нет во всей Франции. Называется оно «Владение Бельбон». Замок в нем напоминает замок Сен-Клу, но по своим размерам заметно превышает его. Что же касается парка, то он послужил образцом при создании парка Фонтенбло. Мой отец, которого зовут просто Морнэ, служит в поместье управляющим. Но мои предки носили имя Морнэ де Бельбон и были хозяевами поместья и господами своих подданных. Я хочу, чтобы это поместье принадлежало мне, как оно когда-то принадлежало моим предкам. Это моя главная цель. А вот у тебя нет цели, и поэтому ты никогда не встанешь вровень со мной.

– Моя цель состоит в том, чтобы стать нотариусом, – мирно заметил Роже. – Надеюсь, что, когда ты станешь владельцем этих двух тысяч гектаров, я стану твоим нотариусом.

Морнэ улыбнулся.

– Вспомни, что тебе предрек Томас Стоун, – сказал он. – До того, как ты купишь нотариальное бюро, тебе придется пережить невероятные приключения.

– Надеюсь, Бог этого не допустит! – ответил Роже. – У моих предков не было ни замков, ни дворцов. Наше семейство принадлежит к дворянству мантии. Служба в судебном ведомстве нагоняет на меня страх, потому что я боюсь выносить приговоры. Если я приговорю человека к смерти, то уже никогда не усну. Зато нотариат – это сплошной покой и благолепие. Не работа, а нескончаемый отдых. В общем, каждому свое. И к тому же у меня есть мать, которой для полного счастья требуется, чтобы ее сын жил в покое. Когда придет время, я женюсь на миленькой барышне...

На железнодорожном вокзале они обнялись и долго не размыкали объятия. Они действительно по-братски любили друг друга.

– Пиши мне как можно чаще, – со слезами на глазах сказал Роже.

– Куда бы меня ни занесло, не знаю, буду я счастлив или нет, но писать буду часто. Если под письмом ты увидишь подпись «Морнэ», то значит, я еще не схватил удачу за хвост, но если я подпишу письмо «граф де Бельбон»...

Они в последний раз обнялись, и с вокзала Роже ушел один.

Еще долго в коллеже Генриха IV вспоминали Робера-Дьявола и Роже-Добряка. Даже и сегодня в дортуаре коллежа самые памятливые ученики рассказывают об их легендарных похождениях.

Поначалу Робер писал довольно часто, но затем письма от него стали приходить крайне редко. Последнее письмо добралось до Парижа в 1859 году. Написано оно было в Ариспе, городе в штате Сонора на севере Мексики, и подписано все так же: Морнэ.

Роже по-прежнему жил в Париже. Он долго сохранял свои студенческие привычки, но, встретив Нанон, изменился до неузнаваемости. Впрочем, это отдельная история.

Два-три раза в год его навещал Томас Стоун, чтобы удостовериться, что его бывший ученик пока еще не влип в какую-нибудь передрыгу.

«Чем дольше вы будете тянуть, *my dear*⁵, – говорил старый учитель, – тем в более головоломную историю вы ввяжетесь. Не забудьте предупредить меня заранее».

Томас Стоун, конечно, был философом, но можете мне поверить, что, оставаясь со своей Нанетой, Роже никогда не ввязался бы ни в какую историю. К каждому из нас хотя бы раз в жизни прилетает ангел-хранитель. Главное – не дать ему ускользнуть. Малышка Нанон, которая так замечательно распевала бретонские песни, и была для Роже ангелом-хранителем.

Роже был уверен в ней, как в себе самом, и даже чуточку больше. После уже известной нам сцены, спускаясь по лестнице, он двадцать раз спросил себя, был ли он прав. Его Нанета

⁵ Голубчик мой (англ.).

изменилась буквально на глазах. Нанета, которую он считал образцом доброжелательности и благовоспитанности, вдруг заговорила недопустимым тоном! Где только она набралась таких слов! С ума можно сойти!

Все это походило на сон. Он даже решил вновь подняться наверх, чтобы убедиться, что все это происходило наяву. Теперь он не сомневался: в чуланчике кто-то был!

Уже выйдя на улицу, он подумал: «Она играла роль, которая давалась ей с большим трудом...»

Подумав так, он глубоко вздохнул.

После этого он надвинул шляпу на глаза и быстрым шагом двинулся по улице Анфер.

Люди беззаботные всегда уверены в своих силах.

«Черт побери, стоит ли расстраиваться? – продолжал размышлять Роже. – Ведь это все равно, что вырвать зуб. Завтра я уже и не вспомню о случившемся. Такой уж у меня характер. Мне даже кажется, что я почти успокоился... Просто удивительно, как я спокоен... А если хорошенько подумать, то придется признать, что все это с самого начала смахивало на авантюру. Я вел себя, как странствующий рыцарь, а это ужасно... Какого черта, ведь я появился на свет не для того, чтобы обижать свою мать... Мне не свойственны кастовые предрассудки, но, что ни говори, а мы принадлежим к роду Лаваров... Это старое дворянство мантии... а она, как ни крути, всего лишь дочь солдата... Да что это со мной... Как глупо я рассуждаю... Надо вернуться...»

Он резко остановился посреди площади Сен-Мишель и снял шляпу, чтобы вытереть лоб.

На мостовой у соседнего кабачка стояли студентки и пили пиво.

Одна из них сказала: «Известное дело!»

А другая подхватила: «Все мужчины трусы!»

Каждая птичка щебечет по-своему.

Роже резко надвинул шляпу на глаза.

«Что тут непонятного? – раздраженно подумал он. – Известное дело! В чуланчике кто-то был. В этом квартале живут отнюдь не ангелы... Знать больше не желаю этот квартал!»

И он двинулся дальше. Теперь он окончательно успокоился. Об этом свидетельствовали терзавшие его злобные мысли, беспорядочная походка, проявлявшаяся в том, что он то ускорял, то замедлял шаг, лихорадочные движения рук и полное непонимание, куда он идет.

Впрочем, размышлял он вполне здраво. Мать уже договорилась о его женитьбе на мадемуазель Эвдоксии, обладательнице большого приданного, которое можно будет потратить на покупку нотариальной конторы мэтра Дени-Тибюрса Пьеданиэля. Раньше Роже был простым клерком в этом солидном заведении, а теперь станет патроном. Это по-настоящему солидный шаг. Необходимо сегодня же вечером подписать и брачный контракт, и договор купли-продажи конторы.

В самом деле, то, что произошло, несомненно, было предначертано судьбой. Он даже договорился с матерью, что она раньше него явится к нотариусу и будущей невесте. Спрашивается, как бы она выглядела, если бы из-за этой Нанеты (Господи, до чего же она красивая!) Роже отказался бы от женитьбы и покупки конторы?

Браво, Роже! Ей-богу, браво! Нельзя отказываться от своего призвания. Ведь вам судьбой предназначено быть нотариусом. Браво! Теперь он твердо знал, куда несут его ноги: они несли его к мэтру Пьеданиэлю, где будут подписаны брачный контракт и договор покупки конторы.

Однако ноги понесли его не на улицу Тронше, где жил мэтр Пьеданиэль, а в противоположном направлении.

Но разве не все дороги ведут в Рим?

Браво! Вот только ноги у него ослабли, а по телу разлился холодный пот.

Он уселся на парапете какого-то моста. Какой это был мост, он так и не понял.

К тому времени уже совсем стемнело. Башенные часы Дворца правосудия пробили восемь вечера. Сбор у мэтра Пьеданиэля был назначен на девять часов. Роже подумал: «Пора идти».

Но он так и остался сидеть на парапете, прислушиваясь к городскому шуму и плеску текущей под мостом воды.

Не знаю почему, но в этот момент Роже вспомнил о Робере. Наверное, он очень нуждался в друге.

Неужели с самого начала она играла комедию? Но ведь она была так проста, горда и достойна! Все это время она была для него открытой книгой. Известное дело!

Зуб так и не вырвали. Он остался на месте и сильно болел. Эх, ты Роже-Добряк! Ведь ты обещал, что завтра будешь смеяться над этой историей!

А тут еще в голове крутились все те же слова:

А как найду я клад,
Буду страшно рад.
Чугунок в земле где-то есть,
Золотых монет в нем не счесть.

«Конечно, если бы ей с неба упала куча золотых монет, – подумал Роже, – то она могла бы купить все, что угодно, и нотариальное бюро, и согласие моей матери, и вообще все на свете, включая меня самого».

Ну и трусы эти мужчины!

Роже даже прослезился, когда вспомнил тот сухой смешок, который так его удивил. Затем мысли сами собой обратились к чуланчику, где наверняка сидел вульгарный соперник.

Он очень старался успокоиться.

В десятке шагов от него двое мужчин стояли, облокотившись о парапет, и о чем-то беседовали. Их разговор он не слышал.

Но даже когда не слушаешь, сознание само по себе продолжает воспринимать звуки. Роже понял, что эти двое говорят по-английски. Каким-то непостижимым образом сработали ассоциации, и английский язык незнакомцев напомнил Роже о его преподавателе английского, который предрек ему участие в невероятной аванюре. Он взглянул на воду и подумал: «У меня и в мыслях нет покончить с собой».

Но чем же она занималась в тот вечерний час? Наверняка, когда тот, другой, вылез из чуланчика, они оба от души посмеялись над ним.

Неожиданно до него долетела фраза, сказанная одним из незнакомцев:

«Карта начерчена кровью на носовом платке...»

Роже решил, что он что-то неправильно понял.

Тем, кто учился иностранному языку ни шатко ни валко и не имел достаточной практики, весьма непросто понимать иностранную речь, даже когда очень хочется что-то понять.

Роже машинально прислушался, решив, что придал словам незнакомца совершенно абсурдный смысл. «Карта начерчена кровью на носовом платке...» Что может означать эта чудная фраза?

Но беда была в том, что речь незнакомцев не отличалась безукоризненностью и академизмом, свойственным Томасу Стоуну. К тому же они говорили на каком-то диалекте, насыщенном неведомыми аббревиатурами и испанскими словами. А еще в их речи чуть ли не через слово упоминался какой-то «*El conde*»⁶.

⁶ Граф (исп.).

Роже силился понять, о чем они вели беседу, но все было напрасно. Только некоторые известные ему слова позволяли более или менее ориентироваться в доносившемся потоке фраз. Тем не менее он с напряженным вниманием прислушивался к их разговору, и это позволяло отвлечься от гнетущих его мыслей.

Минут через десять он начал смутно догадываться, что незнакомцы были агентами какой-то полиции и преследовали в Париже злоумышленника.

Судя по всему, они упомянули своего третьего коллегу по имени Сэм, который в тот момент шел по следам беглеца, а упомянутый *El conde* и был тем человеком, которого они преследовали.

Но ему-то какое до всего этого дело? Да никакого, не считая того, что попытка понять незнакомцев позволила ему на время избавиться от преследующего его образа Нанон. Он вообще не имел привычки шпионить за кем-либо, да и на парапете сидел первый раз в жизни.

Как только часы прозвонили половину девятого, оба незнакомца одновременно встрепенулись и двинулись в сторону набережной. Роже последовал за ними. Вы спросите: почему? Да по той же причине, по которой люди прячутся на ярмарках на игроков, гоняющих мяч. Просто ему надо было отвлечься на какую-нибудь безделицу.

На набережной каждый из незнакомцев сел в отдельный фиакр. Роже остановился и уставился на них, словно любопытный ребенок, опечаленный тем, что представление кукольного театра уже закончилось.

Незнакомцы пожали друг другу руки и каждый произнес: «Встретимся ночью».

Но тут произошло такое, отчего Роже мгновенно избавился от терзавших его мыслей. Перед тем как фиакры разъехались в разные стороны, из одного из них прозвучал вопрос:

– Как зовут этого человека?

Из другого фиакра ответили четко и ясно:

– Роже Казаль де Лавар.

Роже инстинктивно чуть не бросился к незнакомцам, но тут фиакры сорвались с места и понеслись в противоположные стороны.

III. Катафалк

Роже застыл, как громом пораженный. Читатель знает, как сильно могут давить на нас навязчивые идеи. Услышав слово «человек», Роже сразу вспомнил подлого любовника Нанеты. Поэтому ему сразу пришла в голову мысль, что один из незнакомцев был его соперником, прятавшимся в чуланчике. Впрочем, до него быстро дошла вся абсурдность такого предположения. Ведь от самого Пантеона он шел только прямо, никуда не сворачивая, а эти два англичанина находились у парапета еще до его появления. Да и вряд ли соблазнитель так быстро покинул Нанету. И к тому же содержание услышанного разговора, обрывки которого ему удалось разобрать, полностью противоречили этой гипотезе.

Но почему же тогда прозвучало его имя?

Теперь, пытаясь воспроизвести в памяти весь этот таинственный разговор, в котором он мало что понял, Роже вспомнил, что некоторые слова повторялись в нем довольно часто. Среди них было имя женщины, которое могло быть каким угодно, но только не английским – Наранха⁷, а также слово *digger*, которым в английском языке обозначают землекопов и старателей. Но удивительнее всего было то, что в разговоре упоминался точный адрес, по которому Роже проживал со своей матерью: улица Майль, № 9.

Упоминание его адреса казалось чем-то из ряда вон выходящим, однако оно полностью согласовывалось с последними словами, произнесенными при прощании. Все это радикально изменило ход его мыслей. Нет на свете такого нотариуса, в архиве которого не нашлось бы описания какой-нибудь драмы, по накалу страстей не уступающей приключенческому роману. Роже принялся вспоминать, не встречал ли он что-то похожее в архиве мэтра Пьеданиэля, какую-нибудь драму, к которой он прямо или косвенно мог быть причастен. Размышлял он минут десять, после чего обругал себя последними словами за то, что не остановил первый попавшийся экипаж и не бросился в погоню хотя бы за одним из фиакров. Гнаться, конечно же, надо было за тем фиакром, из которого прозвучали слова: «Роже Казаль де Лавар».

Но время было упущено. Да и какое ему дело до всего этого? Нанета! О, Нанета! Если бы она только захотела...

Но на этот раз имя любимой девушки вызвало у него раздражение. Ему хотелось вытряхнуть из головы это имя, как стряхивает спаниель свои мокрые уши. Он подумал: «Роже, ты ведь, черт побери, не трубадур. Тебе, Роже-Добряк, не мешало бы стать философом. Какая-то гризетка из Латинского квартала! Известное дело! Настоящее осиное гнездо. Надо будет зайти в церковь и поставить свечку. Главное – это подписать договор о продаже бюро и брачный контракт».

Вот каков был наш Роже. В итоге он развернулся и помчался в сторону церкви Святой Магдалины, неподалеку от которой проживал мэтр Пьеданиэль. Когда он подбежал к церкви, часы на башне показывали восемь сорок две. Лишь к десяти часам он оказался в конце улицы Вивьен.

Где же он был все это время? А кто его знает? Известно только, что сорок минут он просидел на лавочке в саду Пале-Рояль между статуями Адониса и Венеры, смущая их обоих. Что он там делал? А вот что: он еще раз тщательно воспроизвел в памяти весь разговор с Нанетой, каждое сказанное слово, каждый слог и пришел к такому выводу: «Этого не может быть! Мне все это приснилось!»

Нельзя же, в самом деле, не принимать во внимание тот бесспорный факт, что Нанон несмотря на ее умение ловко скручивать букеты была девушкой исключительно хорошо воспитанной. И потом она такая набожная! Лицемерка! Надо же было такое сказать: «Все муж-

⁷ Naranja – апельсин, оранжевый (исп.).

чины трусы!» Где она такого нахваталась? И когда она успела? Получается, что ее чуланчик не простаивал понапрасну.

Но ведь могла просто скрипнуть мебель. Роже даже взмок, когда сам себе предложил пари. Он на что угодно был готов спорить, что в этом чертовом чуланчике никого не было.

Зря он не рассказывал дорогой Нанон о своих похождениях. Конечно, она была недоверчивой, ревливой, сразу начинала злиться. Но это же естественно! А что бы делал Роже на ее месте? Наконец он поднялся с места к огромному удовольствию обеих статуй и направился в сторону моста. Он собрался перейти Рубикон. Но мужчина не может вертеться, как волчок. Как она сказала: «Известное дело!»

А что в это время происходило в доме мэтра Пьеданиэля, где ждали подписи Роже два гражданско-правовых акта: брачный контракт и договор о продаже нотариального бюро? Там подали чай, превосходный чай с капелькой рома и молока в зависимости от пола человека, пьющего этот чай, а к чаю подали пирожные. Мэтр Пьеданиэль распространялся о святости брачных уз и удачной коммерческой сделке. Владеть нотариальным бюро по-прежнему очень выгодно. Он на все лады хвалил Роже и утверждал, что мать может гордиться таким сыном. Роже был пунктуальным клерком, а теперь он станет образцовым патроном. Госпожа де Лавар, несмотря на преобладание черных тонов в ее туалете, выглядела триумфаторшей. Казалось, что она в любой момент может запеть эпитафаму. Тем же, кто интересовался причинами задержки Роже, она неизменно отвечала: «Он придет, можете не сомневаться!»

Добрая дама действительно была в этом уверена. Недаром она славно потрудились и теперь была спокойна за будущее своего сына. Вспоминала ли она при этом Нанету?

Забыл вам сказать, что теперь Нанета сидела одна-одинешенька в своей мансарде и больше не пела. Она старательно скручивала букеты и плакала.

Прошлой зимой мадемуазель Эвдоксия станцевала с Роже две польки и один котильон. Котильон, как известно, немного ударяет в голову. Мадемуазель Эвдоксия испытывала к Роже, этому пунктуальному клерку и неплохому танцору, умеренное чувственное влечение, которое так же похоже на любовь, как смородиновый сироп похож на шамбертен⁸. Такого влечения вполне достаточно для создания счастливого брачного союза.

Мадемуазель Эвдоксия приходилась мэтру Пьеданиэлю племянницей. Она с таким же почтением относилась к нотариату, с каким дочь рыцаря почитает рыцарское копье.

Наконец Роже ступил на улицу Вивьен, подтверждая тем самым правоту госпожи де Лавар. Он твердым шагом двигался к своему бюро и своему браку. Правда, для этого он избрал самый длинный путь, и мы вынуждены признать, что его несколько не волновал нежный образ мадемуазель Эвдоксии.

Чувства не имели никакого отношения к этой барышне, образ которой был связан только с понятием брака.

У Роже немного шумело в голове. Взглянув на его неуверенную походку, люди бессердечные наверняка решили бы, что он возвращается после сытного ужина в известном ресторане. Никакие мысли его больше не терзали. Он вообще ни о чем не думал и шел, словно автомат.

Дойдя до кафе Риш, он остановился как вкопанный и с изумлением уставился на молодого человека, сидевшего за уличным столиком перед нетронутым стаканом грога. Рядом с ним на земле расположилась дорожная сумка явно американского происхождения. Молодой человек отличался по-женски нежными чертами лица, но при этом выглядел загорелым, словно турок. Бросались в глаза его коротко остриженные волосы и длинные усы. Одет он был в костюм, в каких ходят путешествующие англичане.

Когда взгляд его горящих черных глаз упал на Роже, он радостно подскочил и воскликнул:

⁸ Одно из величайших вин Бургундии. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания переводчика.

– Наконец-то!

Было видно, что он совершенно не удивлен.

Роже отреагировал очень сдержанно. Он находился в состоянии полной подавленности, которое наступает после сильных волнений, поэтому даже такая приятная встреча лишь частично оживила его.

– Именно о тебе я сейчас и думал, – тихо пробормотал он усталым голосом.

– Черт побери, – отозвался молодой человек, – а о ком же еще тебе думать?

Роже взглянул на него так, как будто тот ничего не понял.

– Я думал о том, – сказал он, – что ты, Робер, всегда был моим единственным другом...

Они пожали друг другу руки, а потом обнялись. Оба были молоды, и их объятие было бурным и искренним.

– У тебя проблемы? – спросил Робер Морнэ. – Говори быстро, у нас нет времени на разговоры.

– Да, – ответил Роже, – у меня большие проблемы.

– Тебе нужны деньги?

– Нет.

После такого ответа взгляд Морнэ стал рассеянным.

– Я решил, что ты не придешь на встречу со мной, – произнес он с упреком в голосе.

– На встречу с тобой, – повторил Роже, который в тот момент был не склонен разгадывать шарады.

– Ну конечно, – с нетерпением в голосе сказал Робер. – Я отправился по твоему адресу на улицу Майль, но там никого не было, и я оставил тебе письмо, которое подписал граф де Бельбон...

– Вот как, – перебил его Роже. – Значит, ты все-таки добился своего.

Морнэ не стал отвечать, но закончил фразу:

– В письме я назначил тебе свидание в этом кафе в десять вечера.

– Я не получал твоего письма и оказался здесь случайно. Просто я часто прохожу по этой улице.

– Куда ты направляешься?

– Я иду жениться и покупать нотариальное бюро.

– Господи, что ты такое говоришь?

– Я говорю все как есть... мне очень плохо.

– *Наконец-то!*

Морнэ взял его за руки. Руки Роже были холодны, как лед.

– Ты очень бледный! – пробормотал он.

– Мне очень плохо, – повторил Роже.

Морнэ сидел молча. Роже, которому удалось на время отвлечься от мучительных мыслей, неожиданно заметил, что его друг постоянно озирается, смотрит вдаль и выглядит очень обеспокоенным.

Свойственная Роже доброта взяла верх, и он спросил:

– Быть может, ты тоже нуждаешься во мне?

– Возможно, – откликнулся Морнэ.

Затем он посмотрел на часы и добавил:

– У нас есть полчаса. Расскажи мне о своих проблемах.

Роже не надо было просить дважды. Со всей присущей ему наивностью он подвел неутешительный итог отношений, сложившихся между ним, его матерью, обожаемой им Нанетой, мадемуазель Эвдоксией, на которой ему велели жениться, и нотариальным бюро, которое ему собирались вручить, словно маршальский жезл. Как вы сами понимаете, вся сила таких рассказов заключается в деталях.

Но Робер Морнэ не желал знать детали. Ему было достаточно сухой выжимки из всей этой истории. В данном случае он повел себя так, как поступает большинство судей, у которых всегда нет времени.

У него действительно не было времени.

Когда наступит золотой век, а он, судя по всему, уже близок, каждому знаменитому судье за то, что у него никогда не было времени, обязательно переломают руки и ноги и заодно свернут шею. Причем сделано это будет непременно публично.

Всякий раз, когда Роже пытался что-то объяснить или снабдить свой рассказ красочными деталями, Морнэ смотрел на часы и зажимал ему рот. Роже уже закончил свое повествование, но Морнэ успел забыть, с чего оно началось.

– Подведем итог! – провозгласил он безапелляционным тоном. – Ты любишь некую малышку, которая заморочила тебе голову своими родителями, бедными, но честными. Ее речь засорена неподобающими выражениями, которые в ходу в студенческих кварталах. Она изменяет тебе с неким вечным студентом, а возможно, и с парикмахером. Твоя мать хочет тебя женить, а ты хочешь стать нотариусом, но поскольку нотариат тебе недоступен, женитьба является тем волшебным ключиком, который открывает все двери. Правда, женитьба предполагает, что тебе придется иметь дело с женщиной, а тебе не нравятся женщины, на которых непременно надо жениться. Потому-то ты и имеешь такой сокрушенный вид, не знаешь, на какую дорожку ступить, и вообще ведешь себя, как ребенок, каким ты не был даже в годы учебы в коллеже... На что ты тратишь время, дружище!

– На то, чтобы быть счастливым, вот на что! – с глубоким вздохом ответил Роже.

Морнэ пожал плечами.

– Я не понимаю, – высокомерно произнес он, – как можно говорить о счастье в настоящем времени... Лично я устремлен только в будущее.

– Настоящее тоже имеет свою ценность, – заметил Роже.

– Я не признаю настоящее, потому что оно всегда ускользает сквозь пальцы.

Морнэ устремил на Роже горящий взгляд и неожиданно спросил:

– Ты хочешь быстро разбогатеть?

– По правде говоря, мне это безразлично, – сдержанно и довольно холодно ответил Роже.

Морнэ нахмурился и пожал плечами.

– Если бы ты был богат, – заметил он, – то мог бы жениться на Нанете.

– Знаешь, – ответил Роже, – для этого совсем не требуется богатство. Если бы она была согласна, то никто в мире не смог бы нас разлучить.

– Да, ты совсем не изменился со школьных времен, – проворчал Морнэ. – Ты по-прежнему ненавидишь приключения?

– Ненавижу их всей душой.

Робер Морнэ понизил голос и добавил:

– Ну что ж, брат мой, наши пути вряд ли пересекутся. А я надеялся на тебя.

– Брат, – откликнулся Роже, – мне нравится, что ты так меня назвал. Если я кого-то полюбил, то это навсегда. Те, кого я люблю, всегда могут рассчитывать на меня... Что тебе нужно?

Он протянул руку Морнэ, который не сводил с него взгляда и, как могло показаться, колебался. После минутного молчания Робер сказал:

– Дело в том... что речь идет о приключении...

– Я согласен, – с улыбкой ответил Роже. – Лично мне приключение ни к чему, но я могу поучаствовать в твоих приключениях.

– Это ужасные приключения... – продолжал Робер.

– Ладно... пусть будут ужасные. Если уж ввязался в приключения, то неважно, ужасные они или нет. Ты ведь помнишь предсказание Томаса Стоуна.

Загорелое лицо Робера сразу оживилось. Он потряс руку Роже и, продолжая держать ее в своей руке, воскликнул:

– Слава Богу, узнаю своего друга Роже-Добряка!

– Ну а ты не зря носишь имя Робера-Дьявола. Начинай свою исповедь. Я внимательно слушаю.

Морнэ вновь настороженно огляделся.

– Только не здесь, – прошептал он.

– Но я же должен знать...

– Речь идет о дуэли, причем до смертельного исхода, – тихо произнес Робер.

– А я буду твоим свидетелем?

– Возможно, даже больше, чем свидетелем.

– Официант! – позвал Роже.

– Что ты задумал? – спросил Морнэ.

– Мне нужны перо, бумага и чернила, – ответил Роже. – Мне надо написать моей матери и патрону и объяснить им, почему я не смог прийти на подписание контракта и договора.

– Ты прав, – сказал Робер. – Надо соблюдать приличия... Ты самый очаровательный парень из всех, кого я знаю.

Официант принес все необходимые принадлежности, и Роже тут же принялся составлять письма.

– Ты ведь раньше был хорошим стрелком? – спросил Морнэ.

– За эти годы я стал стрелять еще лучше. Не мешай мне писать.

– Я не мешаю... Ты умеешь управляться с лошадью?

– Я отличный наездник... оставь меня в покое...

– Ладно, ладно... Ты когда-нибудь переплывал Сену?

– Я могу доплыть на спине от Парижа до Сен-Клу... Так, я уже написал про Сен-Клу в письме к мэтру Пьеданиэлю!

Он разорвал письмо и решительно принялся писать новое.

Между тем у нотариуса его продолжали ждать, и каждые три минуты госпожа де Лавар настойчиво повторяла:

– Он придет. Я уверена, что он придет.

Роже успел написать четыре строчки, но тут за его спиной кто-то тихо и быстро произнес:

– *It's done!*⁹

Он обернулся и увидел мужчину в полотняной одежде и широкой соломенной шляпе, который быстро удалялся в сторону бульваров. Морнэ поднялся.

– Пора идти, – сказал он.

– Второй раз за этот вечер я слышу английскую речь, – заметил Роже. – Значит, приключения начинаются?

– Идем, закончишь свое письмо в другом месте.

– В другом месте? Это где?

– Да идем же!

Он потянул за собой Роже, который скомкал письмо и обреченным тоном повторил:

– Ладно... Напишу в другом месте...

В тот момент когда они выходили из кафе, какой-то высокий парень, тощий, как щепка, но сложенный, как атлет, тоже покинул кафе, где он сидел у них за спиной, и двинулся за ними, сохраняя дистанцию в двадцать шагов.

Они быстро дошли до угла улицы Лепелетье, и за это время Морнэ несколько раз оглянулся. Но на расстоянии двадцати шагов от них на улице было не менее сорока человек, среди которых преследователь мог легко затеряться.

За зданием Оперы их ждал фиакр.

– Полезай! – приказал Морнэ своему другу.

И тут же обратился к кучеру:

– К главному входу в Пале-Рояль.

Кучер хлестнул лошадь, и она сразу пустилась в галоп.

⁹ Дело сделано! (англ.)

К огромному удивлению Роже, в фиакре уже кто-то был. Оказалось, что это тот самый человек в костюме плантатора, который произнес по-английски: *дело сделано!*

Роже надеялся, что незнакомец и Морнэ разговаряются, и он поймет, что на самом деле происходит. Но ничего подобного не случилось.

Они подъехали к Биржевой площади. Робер сказал:

– Дальше будем двигаться в таком порядке: ты, Мальгаш¹⁰, беги по проезду Радзивилла, а затем иди вниз по улице Бон-Анфан, а ты, Роже, пойдешь по улице Ришелье. Я поеду дальше, и мы одновременно доберемся до угла Пале-Рояль и Лувра. Там нас ждет другой фиакр.

– Ничего себе! – буркнул Роже. – Похоже, за нами гонится целый полк.

В ответ он почувствовал пожатие руки, которое должно было означать: «Сейчас не время шутить». Тем временем фиакр добрался до места назначения, и все было проделано в точности, как приказал Морнэ. Когда Роже быстро пробежал по улице Ришелье и оказался на углу Лувра, оба компаньона уже ждали его в экипаже.

Кучер хлестнул лошадей. Судя по всему, это были особые фиакры, потому что запряженные в них лошади буквально летели по мостовой. Улица Риволи, площадь Согласия и Елисейские Поля мгновенно остались позади. Затем экипаж свернул на авеню Монтеня.

– Предпоследняя дверь справа, – сказал Морнэ кучеру.

Мгновение спустя фиакр остановился у входа в недостроенный дом.

Довольно длинный проход вел в сад. Впереди всех быстро шагал Мальгаш.

– Мы опять сменим экипаж? – спросил Роже.

Морнэ вздрогнул и остановился.

– За нами кто-нибудь шел? – обеспокоенно спросил он.

Все прислушались. Вокруг царила тишина, и только ночной ветерок шелестел в верхушках деревьев.

Перед ними возник дом с маленьким кокетливым крыльцом и открытой прихожей. Все трое поднялись на крыльцо, прошли через прихожую, двери которой немедленно закрылись, и они оказались в квадратном дворе, обнесенном новенькими стенами. В одной из стен были устроены ворота, выходившие на улицу Бизе в месте ее пересечения с улицей Марбеф.

Роже подумал, что если бы погоня за ними продолжалась, то закрытые двери прихожей вынудили бы преследователей идти в обход по набережной Бийи.

Но долго размышлять ему не пришлось. Посередине двора, освещенного двумя уличными фонарями, стоял еще один экипаж, запряженный двумя могучими лошадьми.

Роже оказался прав. Они вновь сменили экипаж.

На этот раз их ждала странная колесница, мрачные очертания которой хорошо знакомы парижанам.

Это был кабриолет. В его задней части был установлен прямоугольный ящик, в котором можно было разместить лежащего человека. В ящике были проделаны отверстия, как будто специально для того, чтобы помещенный в него человек мог свободно дышать. Но у таких отверстий совсем другое назначение. Тот, кого заточили в этот ящик вообще не дышит.

Это приспособление используется для перевозки трупов. Надобность в нем возникает в тех случаях, когда по желанию семьи или из-за каприза покойного приходится везти усопшего к удаленному месту захоронения.

Когда наш Роже-Добряк взглянул на это транспортное средство, он вздрогнул, и у него побежали мурашки по коже.

– Садись скорее, – сказал Морнэ.

Роже полез в кабриолет, где уже находился Мальгаш.

¹⁰ Мальгашами, или малагасийцами называют коренное население Мадагаскара. Малагасийцы живут также на Реюньоне, на Сейшельских и Коморских островах.

Робер Морнэ уселся на место кучера. Створки ворот раскрылись, и похоронная карета вихрем понеслась по набережной Бийи.

IV. Тяжелая дорога

Роже-Добряк не любил приключений. Приключение, в которое он ввязался, кому-то могло бы показаться малопривлекательным и недостаточно веселым. Роже невольно подумал о том печальном грузе, который они сопровождали. Он даже представил себе, как его трясет в этом ящике на ухабистой дороге. Кого они везли, мужчину или женщину? И зачем при перевозке предмета, к которому злоумышленники обычно не проявляют интереса, потребовались столь романтические предосторожности?

В какой-то момент Роже даже содрогнулся и подумал, не является ли он соучастником преступления.

Мы упомянули о его мыслях лишь по той причине, что ему не с кем было ими поделиться, и некому было развеять его сомнения. Рядом с ним в кабриолете находился лишь тот самый человек, которого звали Мальгаш. Это был молчаливый субъект, черты лица которого были настолько грубыми, что начисто отбивали желание обращаться к нему с расспросами. Морнэ же сидел на месте кучера и гнал экипаж на огромной скорости. Роже несколько раз пытался с ним заговорить, но неизменно получал один и тот же ответ: «Поговорим, когда доедем!»

Между тем в их компании появился еще один персонаж. Внешне он напоминал парижского гамена¹¹. Его расхристанная одежда полностью соответствовала привычному образу представителя этой почтенной касты парижан. Еще находясь в том таинственном доме, Роже услышал, что он откликается на имя Грело.

Грело выбрал себе место в арьергарде. Он разместился на похоронном ящике и сидел на нем, как обычно сидит артиллерист на ящике со снарядами. Он взялся было распевать песню, услышанную в каком-то третьеразрядном парижском театрике, но, когда они свернули на версальский тракт, Морнэ довольно грубо предложил ему заткнуться.

«Поговорим, когда доедем!»

Доедем куда? Интересно, какие лица были у собравшихся в доме мэтра Пьеданиэля, когда они поняли, что Роже не придет? От нечего делать Роже начал придумывать текст письма с извинениями. Его непременно надо будет отправить на следующий день. Потом он подумал, что одного письма недостаточно. Надо написать три письма: одно патрону, другое матери и третье родителям мадемуазель Эвдоксии.

А как же Нанета? Он представил себе ее одновременно опечаленной и улыбающейся. Вспомнив о девушке, Роже уже больше ни о чем не мог думать.

Смену упряжных произвели на подъезде к Версалью. Их поджидали со свежими лошадьми прямо на дороге, поэтому через Версаль они пронеслись галопом.

Ночь выдалась очень темной. По небу бежали огромные облака. Когда проехали Сен-Сир, из-за холмов показалась луна и осветила прежде темную дорогу. Ее зыбкий свет придавал окружающим предметам странные очертания.

Морнэ невероятно ловко управлял экипажем и одновременно бросал по сторонам беспокойные взгляды. Несколько раз он даже вставал на ноги, чтобы взглянуть на пройденный путь. При этом он окликал сидевшего сзади Грело, чтобы убедиться, что тот не заснул.

Во время следующей смены лошадей Морнэ обошел катафалк, и Роже услышал, как он с кем-то разговаривал. Отвечавший ему голос звучал очень глухо и не был голосом Грело. Это был женский голос.

Но вскоре впрягли свежих лошадей, и гонка продолжилась.

– Наранха страдает в этом ящике, – произнес по-испански Морнэ. – Долго она не продержится.

¹¹ Гамен – уличный мальчишка, тип никогда не унывающего парижского ловкача и пройдохи.

Мальгаш ответил на том же языке, но с сильным мексиканским акцентом:

– Осталось два часа.

Роже очнулся от своих мечтаний и произнес про себя: «Наранха!»

Затем он подумал: «Я уже второй раз слышу это имя».

Морнэ, не сбавляя скорости, повернулся к нему и спросил:

– Что ты видел сегодня вечером?

Роже коротко поведал ему о том, как он попал на парапет моста, как он увидел там беседующих незнакомцев, с огромным трудом сумел уловить несколько знакомых слов, сказанных по-английски, и как его насторожили некоторые оброненные ими фразы.

– Что они говорили о Наранхе? – ясным и холодным тоном поинтересовался Морнэ.

Роже напряг память. По правде говоря, события этого вечера оглушили его, словно удар кистенем. После последней встречи с Нанетой прошло лишь несколько часов, а ему уже казалось, что это было давно, в какой-то другой жизни.

– У меня такое чувство, что этим вечером я прожил сразу десять лет, – пробормотал он, прижимая ладони ко лбу.

– Что они говорили о Наранхе? – повторил Морнэ.

– Я далеко не все понял, – ответил Роже.

– А что ты понял?

– Что они упорно кого-то преследуют, то ли врага, то ли преступника.

– Они говорили только о Наранхе?

– Еще говорили о человеке, которого они преследуют... они называли его *El conde*.

– И это все?

– Нет. Я еще не сказал о том, что меня больше всего потрясло: они говорили обо мне.

– О тебе! – немного удивившись, повторил Морнэ.

– Обо мне... чем больше я напрягаю память, тем четче вспоминаю их слова... Постой, ты же говорил мне, что теперь подписываешься графом де Бельбоном! Значит, ты и есть тот самый *El conde*?

– Да, – холодно произнес Морнэ. – Именно меня они и ищут. Они ищут меня везде, даже в твоём доме.

Он резко поднялся и вновь стал беспокойно оглядывать окружающее пространство.

– Неужели при таких мерах предосторожности они смогли напасть на наш след? – спросил Роже.

– Если еще не напали, то обязательно нападут, – отозвался Морнэ.

– Они что, имеют на это право?

– В каждой стране свое право, – неохотно ответил Робер Морнэ.

Затем он прикрикнул на Грело:

– Ну-ка, открой глаза!

– Я не сплю, – ответил Грело. – Я уже два раза видел у дальних холмов облачко пыли...

Возможно, это из-за сильного ветра.

– Он что-то видел! – произнес по-испански Мальгаш.

Морнэ обернулся и хлестнул лошадей. Впрочем, экипаж и так летел быстрее ветра.

– Но мы ведь живем не среди дикарей! – неожиданно воскликнул Роже. – Зачем все эти сложности, почему вы не обратитесь к жандармам?

Мальгаш издал короткий смешок.

– Дружище, – обратился к нему Роже, – у каждого, конечно свои вкусы, но я не люблю людей, которые смеются, когда речь заходит о жандармах, и я хотел бы знать...

– Тем не менее я надеюсь, дорогой господин де Лавар, – перебил его Мальгаш, переходя на вполне приличный французский, – что со временем мы станем настоящими друзьями.

Роже даже онемел от неожиданности.

– Хочу тебе представить, – вмешался Морнэ, – сеньора Мигеля Мариа Торреса. Эти Смиты наверняка что-то говорили о *диггере*...

– Точно, – ответил Роже, – их очень волновал какой-то *копатель*!

– Это и есть сеньор Мигель Мариа, брат моей жены.

Мальгаш вежливо приподнял свою соломенную шляпу. Роже тоже поприветствовал его, бормоча:

– Так ты женат, друг мой?..

Внезапно послышался короткий пронзительный свист. Робер немедленно пустил лошадей в галоп, и вместо того, чтобы ехать прямо, свернул на первую же поперечную дорогу и довольно долго ехал по ней.

– Стоп! – произнес Мальгаш. – Не стоит ехать дальше. Надо проверить, возможно, это была ложная тревога. Что ты видел, Грело?

Но Грело не ответил. Он покинул свой пост.

Мальгаш спрыгнул на землю и быстрым шагом пошел в сторону главной дороги.

Роже заметил, что шел он совершенно беззвучно. Морнэ тоже спустился на землю и велел Роже держать лошадей под уздцы. Ждать пришлось довольно долго. Вокруг все было тихо.

Внезапно чей-то слабый голос, который Роже уже слышал во время смены лошадей, стал звать Робера. Никто не отзывался. Вновь послышался тот же голос. Теперь в нем слышались рыдания и нетерпение.

К тому времени луна уже высоко поднялась по небосклону. Небо было безоблачным, и экипаж был залит лунным светом. Роже огляделся и стал прислушиваться. Во всей округе явно не было ни души.

В третий раз послышался женский голос, который на этот раз произнес:

– Робер, прошу тебя, открой крышку хоть на минуту. Я задыхаюсь.

Читатель понимает, какое сильное потрясение испытал Роже. Он уже давно предполагал, что в похоронном ящике нет трупа, но в ту ночь все вокруг выглядело до того странно, что он перестал доверять даже собственным подозрениям.

Ведь всего несколько часов тому назад он поднимался по лестнице дома, в котором жила Нанета. В этот час кафе на бульварах еще только начали закрываться. Госпожа де Лавар, мадемуазель Эвдоксия и мэтр Пьеданиэль совершали вечерний туалет перед тем, как отойти ко сну. Интересно, как они отнеслись к тому, что он так и не явился?

А как же Нанета?.. Сейчас он готов был поклясться, что случившаяся размолвка – не более чем кошмарный плод воображения, а шум в чуланчике устроила какая-нибудь злонамеренная крыса.

Роже обошел экипаж и явственно услышал, как кто-то ласковым голосом спросил:

– Это ты, Робер?

Роже не стал отвечать, опасаясь, что принятые его другом чрезвычайные меры предосторожности могут пойти прахом. Но вскоре из ящика послышался крик отчаяния.

Роже взялся двумя руками за крышку ящика и приподнял ее. В первый момент он увидел чье-то детское лицо. Оно было бледным и очаровательным, и по нему катились крупные слезы, блестевшие в лунном свете, как жемчуга. Затем на детском лице появилась улыбка, но вскоре она сменилась выражением непередаваемого ужаса.

Молодая женщина закрыла глаза, и все ее тело задрожало.

– Господи, сеньор, сжальтесь надо мной! – прошептала она.

Но тут из ее груди вырвался вздох, и она перестала дрожать.

Роже попытался успокоить ее, но она уже его не слышала. Женщина потеряла сознание.

Судя по всему, чрезвычайные меры предосторожности были приняты напрасно. Недаром при виде таинственного незнакомца женщина испытала такой ужас. Роже окончательно

перестал что-либо понимать. Все, что происходило, было, по его мнению, за гранью правдоподобия.

Неужели во Франции в середине XIX века может твориться такое безумие, с которым общество не в состоянии справиться? Неужели в наши дни владения гуронов начинаются сразу за Большими бульварами? Почему Робер Морнэ не желает воспользоваться проверенными общепринятыми мерами защиты? Зачем они в чистом поле затеяли игру в прятки? Почему они не могут, как нормальные граждане, воспользоваться железнодорожным сообщением?

В современной стране человек не должен сам себя защищать. Ему запрещено носить оружие. Этим все сказано. Единственным оружием является защищающий человека закон.

В современной Франции на вооруженного человека, не желающего встать под защиту закона, падет подозрение в том, что он враг закона.

Впрочем, бывают поступки, которые идут вразрез с законом, но при этом общественное мнение не порицает их. К их числу, например, относят похищение человека.

Однако Морнэ сказал: «Я женат».

Это его жена, и он перевозит ее с места на место именно таким странным образом.

Но ведь она почти ребенок, и тем не менее это дитя оказалось в эпицентре жестокой зловещей драмы! Напрашивалась мысль о безумии его спутников. Но это было маловероятно. Все-таки их трое, они спокойны, решительны и действуют планомерно и обдуманно.

К тому же один из сей троицы является братом этого слабого очаровательного создания...

Луна ярко освещала женщину, которая впервые смогла вздохнуть полной грудью. Выглядела она так же странно, как странно было все происходящее. Платье из розового шелка подчеркивало изысканные и изящные формы Наранхи. В ее пышные, черные как смоль волосы была вплетена гирлянда цветов. Внутри ящик был устлан сатиновым матрасом, напоминающим веселое и беззаботное брачное ложе. Правда, по обе стороны матраса лежали четыре карабина, два слева и два справа, обернутые плотной тканью.

Роже непроизвольно подумал: «Нас не трое, а четверо...»

Робер Морнэ не скрыл от него, что речь идет о дуэли, возможно, со смертельным исходом, и в этой дуэли Роже отводилась роль не свидетеля, а участника.

Повторим, что по своим склонностям Роже-Добряк был нотариусом и уж никак не странствующим рыцарем. Поэтому все происходящее он находил чрезмерно экстравагантным. Любое приключение молодой парижанин воспринимал как сущий кошмар и в сложившейся ситуации чувствовал себя, словно щенок, которого насильно бросили в воду.

Можно себе представить, как удивился бы мэтр Дени-Тибюрс Пьеданиэль, если бы в тот момент его разбудили и сообщили, что его преемник находится на темной дороге и пытается привести в чувство одетую в бальный наряд мексиканскую гурию, путешествующую в гробу.

Впрочем, держался Роже совсем неплохо. Нельзя не признать, что несмотря на сильное волнение, вызванное свалившимся на него приключением, а также видом лежавшей без сознания женщины, он полностью сохранил спокойствие, словно сидел в домашних тапочках в своем рабочем кабинете. Ему даже ни разу не пришло в голову, что события приняли совершенно дьявольский оборот, и теперь из росших по краям дороги кустов могли в любой момент прозвучать выстрелы. Но даже если бы такая мысль пришла ему в голову, то поведение Роже несколько бы не изменилось.

Он приподнял очаровательную головку Наранхи, подтянул матрас к краю ящика и попытался устроить ее голову немного повыше. Затем он расстегнул крючки розового платья, и очаровательное создание наконец открыло глаза. Но тут послышались какие-то негромкие звуки, которые свидетельствовали либо о возвращении его попутчиков, либо о приближении врагов.

Действуя инстинктивно, словно стоящий на посту часовой, Роже схватил один из карабинов и развернул намотанную на него ткань. Освободив из зацепления курок, он увидел новенький капсюль. Карабин был заряжен. Теперь Роже был уверен в себе и в своем оружии.

В этом момент рядом с ним совершенно бесшумно возникли три фигуры.

– Браво! – произнес Морнэ. – Однако, пока ты ждал нас, с тебя, мой ангел, легко могли снять скальп. Ну ничего, постепенно наберешься опыта. Всему ведь надо учиться.

– Я слышал, как зашуршали ветки... – ответил Роже.

Три компаньона переглянулись, а Мальгаш очень тихо с беспокойством в голосе сказал:

– Значит, кроме нас, здесь еще кто-то есть.

После этих слов, ни с кем не советуясь, он нырнул в кусты, которые росли с правой стороны дороги, а Грело прополз ужом через кусты, росшие слева. На месте остался только Морнэ.

– Все это оказалось ложной тревогой, – сказал он. – Просто там проезжали два конных жандарма.

Затем он поцеловал в лоб улыбавшуюся Наранху и добавил:

– Значит, ты успел увидеть мою жену? Это удивительная история.

Наранха что-то шепнула ему на ухо.

– Конечно, ты его знаешь, – ответил ей Морнэ. – Это же Роже-Добряк, мой однокашник по коллежу Генриха Четвертого... Я рассказывал тебе о нем.

Наранха протянула Роже маленькую белую ручку и сказала:

– Я страшно испугалась... Мне показалось, что я узнала человека со «Святого Жан-Батиста».

Затем, обратившись к Морнэ, она властным тоном произнесла:

– Господин граф, я не хочу больше оставаться в этом ящике. Остаться в нем опасно для моей жизни. Я не имею в виду, что мне в нем душно. Тут достаточно и места, и воздуха. Но если притворяться мертвой, то это приносит несчастье.

Она обвила руками шею Морнэ, а он, обращаясь к Роже, пробормотал:

– Они не такие, как мы. В стране, где родилась Наранха, женщины отважны и умеют переносить лишения, но справляться с нехорошими предчувствиями они не в состоянии... Ну-ка, помоги мне, Роже. Сеньорита высказала пожелание.

– Надеюсь, ты не шутишь, – настороженно поинтересовался Роже.

– Конечно. Наши враги сейчас далеко, а для всех нас слишком рискованно не принимать в расчет ее предчувствия.

Наранха гримасой выразила недовольство его словами, но позволила поднять себя, как ребенка, и перенести на пассажирское кресло.

– Была пятница, когда мне последний раз привиделась моя мать, – пробормотала она.

Морнэ ничего не ответил, а только опустил глаза, на которые набежали слезы.

– Все спокойно, – сообщил вернувшийся Грело.

– Никого нет, – подтвердил Мальгаш. – Господину де Лавару показалось.

После этого карету развернули и возвратились на главную дорогу.

Когда стих грохот колес, с вершины дуба, стоявшего в двадцати шагах от места, где оставилась карета, послышался негромкий свист. В ответ раздалось тихое ржание. На противоположной стороне поля, раскинувшегося справа от дороги, рос кустарник. Из-за него выскочил великолепный конь без всадника и галопом двинулся по полю. Зашелестели ветки дуба. На самом деле Роже ничего не показалось.

В тот момент, когда конь приблизился к дубу, с него на землю прыгнул какой-то человек, который тут же вскочил в седло. Через несколько минут он присоединился к двум всадникам, ожидавшим его на поляне у главной дороги.

Каждый из компаньонов был высокого роста, а все втроем они походили на конную скульптурную группу, отлитую из бронзы. Они обменялись парой слов, после чего резко взяли с места и исчезли в облаке пыли.

V. Старый дом

Внутри кареты произошли изменения. На месте кучера теперь сидел Мигель по прозвищу Мальгаш. Парижский гамен Грело улегся на матрас Наранхи и спал сном праведника. Впрочем, это нисколько не мешало ему внятно произносить «Я не сплю» всякий раз, когда звучал сигнал тревоги. Так ведут себя только люди, рожденные, чтобы стоять на часах.

Сама Наранха сидела между Роже и Робером. Она дремала, склонив голову на плечо мужа. Оба друга боялись пошевелиться. Роже в это время вспоминал Нанету и думал: «Когда-то и я был любим!»

Путешествие благополучно подходило к концу. Через четыре часа после отъезда из Парижа карета свернула на местную дорогу, которая шла вдоль ограды парка. Здесь они в четвертый раз сменили лошадей. Сквозь ограду можно было видеть великолепные рощи. Робер тихо сказал Роже:

– Смотри внимательно.

Экипаж в течение получаса на полной скорости двигался вдоль ограды парка.

Морнэ несколько раз спросил:

– Ты не находишь это великолепным?

Вскоре они оказались у въезда в парк, оформленного с королевской роскошью. Сразу за въездом начиналась прекрасная аллея из огромных дубов. В ночи она казалась бесконечной. Мигель придержал лошадей, и вскоре показался монументальный замок, в бесчисленных окнах которого отражался лунный свет.

– Ты не находишь это великолепным? – вновь спросил Морнэ.

Неподалеку стоял прекрасный павильон, сложенный из красного кирпича. Он всем своим видом показывал, что здания на королевской площади в Париже не выдерживают сравнения с ним и не могут считаться наивысшим достижением архитектуры времен Людовика XIII. Вокруг замка был устроен глубокий ров, охранявший мирную цитадель не хуже крепостной стены. В самом парке воплотились лучшие достижения английского и французского паркового искусства. Лунный свет лился на прекрасно подстриженные лужайки, романтические купы деревьев и рукотворные заросли растительности.

В отдалении протекала река, серебристая лента которой обрамляла эти прекрасные владения, а вырытый в стороне пруд в зыбком свете казался целым озером.

Робер Морнэ не удержался и в третий раз спросил:

– Ты не находишь это великолепным?

Когда карета вновь набрала ход, он добавил:

– Все это называется владение Бельбон. Мой отец был здесь управляющим, а мои предки были хозяевами поместья. Отец не смог долго горевать по этому потерянному раю и вскоре умер. Матери у меня нет давно. Я поклялся, что портреты моих отца и матери будут висеть в главной гостиной замка, а Наранха получит все это в качестве свадебного подарка.

– Значит, мы со шпагами в руках будем защищать все эти лужайки и рощи? – спросил Роже. – Ты так и не рассказал мне о грядущей дуэли.

Морнэ вздохнул и ответил:

– Наберись терпения.

Наконец они добрались до конца парка. Карета свернула к западной оконечности рва, сразу после которой возникла полуразрушенная стена, защищенная густым колючим кустарником. Дальше они двигались по какой-то диковатой местности, спускавшейся в долину. Вокруг не было никаких признаков жилья, но экипаж внезапно остановился, и Морнэ произнес:

– Вот дом моего отца.

Роже увидел местность, поросшую вязами и высоким кустарником. Неподалеку находился какой-то водоем. Внезапно послышался стук сабо и лай крупной собаки. В ржавых петлях скрипнула невидимая калитка, и чей-то голос прокричал на першеронском диалекте:

– Надо объехать ограду. Дорога здесь сносная!

Мигель тронул поводья, и карета с грохотом проскочила под громадным кустом бузины, за которым скрывался угол ограды. Здесь были ворота, а за ними начиналась территория фермы. Карета въехала во двор. Крупная собака умолкла и принялась виться вокруг Робера Морнэ.

– Видите, – произнес чей-то голос, – пес учуял нашего хозяина.

В руке крестьянки зажегся огромный фонарь, который осветил всю сцену. Крестьянка стояла на небольшом крыльце в три ступеньки, служившем главным входом в дом. Это была настоящая усадьба, типичная для региона Иль-де-Франс, и такая же старинная, как и расположенный по соседству замок.

– Приветствую всех, – сказала добрая женщина. – Кровати застелены свежим бельем, ужин уже на столе.

Морнэ, спрыгнув на землю, сказал:

– Добрый вечер, Венсан, добрый вечер, старушка Мадлен.

Услышав его голос, собака вытянула шею и издала протяжный радостный вой.

– И тебе добрый вечер, старина Тюрк, – сказал Робер, ласково глядя пса.

Обутый в сабо Венсан принялся распрягать лошадей. Мадлен направила фонарь на Мигеля, который поддерживал под руку Наранху. Подслеповатой старушке не удалось по достоинству оценить ее красивое розовое платье.

– Загони карету в сарай, – сказал Робер Морнэ Венсану, – а лошадей отведи в конюшню. Закрой на все замки двери и ворота, а Тюрка спусти на всю ночь с цепи. Если будут стучать, не отзывайся. В доме никого нет.

Он знаком подозвал Грело и тихо добавил:

– Держи карабины наготове.

Уже вскоре дом выглядел, как нежилой, и безмолвно подставлял свои стены лунному свету.

На кухне Венсан и Мадлен растерянно глядели друг на друга.

– Наш хозяин приехал к нам ненадолго, – со вздохом сказала Мадлен.

Венсан покачал седой головой в шерстяном чепце и ответил:

– Что-то грустно у меня на душе. Чувствую, что случится несчастье.

– Иди спать, – кивнула Мадлен.

– Нет, – ответил старик. – Наш господин велел каждые полчаса без фонаря обходить двор и заглядывать в сарай.

– Молодая госпожа выглядит так, словно ее похитили, – заметила Мадлен.

– А как тебе понравился этот тип в соломенной шляпе? Он похож на черта.

– А высокий блондин попросил письменные принадлежности...

– Не спится ему по ночам!

– Все двери и ворота должны быть заперты.

– А если будут стучать, то не подавать голоса.

В этот момент оба вздрогнули, потому что пес Тюрк издал протяжный жалобный вой.

– Собака не выла так с той самой ночи, – тихо промолвила Мадлен, – когда скончалась старая хозяйка.

Оба перекрестились и умолкли, чтобы лучше слышать, что происходит за окном. Однако ничто больше не нарушало ночную тишину.

Как и большинство древних поместий, дом Морнэ находился в низине. Со двора не просматривались даже островерхие крыши домов окружающих деревень. Разглядеть что-либо

можно было только с западной стороны двора, которая выходила на влажную равнину, где росли высокие тополя, и в пятистах метрах от ограды протекала река Эр.

В этот ночной час тому, кто оказался бы на влажной равнине, был бы виден только странный силуэт усадьбы, в которой не светилося ни одного окна. И лишь в окне одной из башенок пробивался тусклый свет зажженной лампы, и было видно, что там движется чья-то тень.

В освещенной комнате они были вдвоем, но из угла в угол прогуливался только один Морнэ. Роже-Добряк сидел за столом и добросовестно пытался дописать начатое накануне письмо. Как нам известно, он собирался принести извинения невесте и своему патрону и объяснить причину, по которой не явился на подписание договора и брачного контракта.

Старики выдали Роже пожелтевшую бумагу, отвратительное гусиное перо и чернила, затянутые сверху слоем плесени. Первые пятнадцать минут он потратил на то, чтобы собраться с мыслями и отточить стиль своего послания. Наконец он вывел заголовок письма: *«Написано в Гилье-Сен-Мартене, близ Ножан-ле-Рюа (департамент Эр-и-Луара)»*.

– Да, неблизкий путь отсюда до улицы Тронше, – произнес Роже и положил перо, чтобы немного передохнуть. – Мэтр Пьеданиэль достаточно умен и, надеюсь, он поймет...

– Иди к черту со своим мэтром Пьеданиэлем, – резко перебил Морнэ, остановившись перед ним со скрещенными на груди руками. – Давай лучше поговорим.

– Честно говоря, – вздохнул Роже, – у меня уже слипаются глаза. Если завтра предстоит драться...

– Возможно, драться придется этой ночью... Кто же спит накануне сражения?

– Накануне Аустерлица... – начал было Роже.

– Ладно, ладно, – перебил его Морнэ, – шути, если тебе так хочется. Хуже от этого не будет.

– Но я вовсе не шучу. На самом деле, я все время думаю о Нанете и хочу плакать, как последний дурак.

Морнэ повернулся к нему спиной и продолжил ходить из угла в угол. Роже написал:

«Дорогой господин Пьеданиэль, непредвиденные обстоятельства, детали которых, надеюсь, вы сообщите моей маме...»

Морнэ встал у него за спиной и через плечо прочитал написанное.

– Мама! – рассмеявшись, повторил он. – Ты такой большой и такой увалень!

Роже зачеркнул слово *мама*, написал *моей матери* и покраснел. Морнэ уселся напротив него.

– Ты думаешь, – сказал он, – что я побеспокоил тебя из-за пустяка. Брось свое письмо. Я расскажу тебе такое, отчего ты долго не сможешь уснуть.

– Тем хуже для меня! – пробормотал Роже.

– Как ты находишь мою жену?

– Она очень слаба и совсем бледная.

– И это все?

– Она красивая...

– Ну слава Богу!

– Почти такая же красивая, как Нанон!

– Она не только красивая. Она добрая и отважная и при этом очень сильная. Однажды она вместе со мной проскакала верхом по пустыне двести лье.

– При ее-то крохотных ножках? Помню, мы опоздали на поезд из Валь-Флери, и Нанон выглядела очень усталой.

– Она родом из страны эпических героев, – сообщил Морнэ. – Там все происходит, как в романах. А ты проводишь время в рощах Медона, где все усеяно остатками завтраков на траве. Мне стыдно за тебя.

– Ах! – вздохнул Роже. – Как прекрасны эти завтраки, когда вокруг бушует весна, а Нанон любит меня.

– В этой стране происходят великие приключения, – продолжил Морнэ, раздувая ноздри, словно пытаюсь поймать ими едкий запах прерий.

– Что касается приключений, – сказал Роже-Добряк, – то у меня на этот счет есть твердое мнение: я не люблю приключения, ни великие, ни какие-либо другие.

– Ну ты и нотариус! – буркнул Морнэ. – Если бы ты хоть раз попал в те края...

– После того, как мы расстанемся, друг мой, я туда и носа не суну. Но мне кажется, что кто-то разговаривает в комнате твоей жены. Послушай!

– Наранха! – ласковым голосом позвал Морнэ.

Ответа не последовало. Он взял лампу и открыл дверь соседней комнаты, в которой молодой женщине устроили спальню. Роже тем временем продолжил писать письмо.

«...Все произошло помимо моей воли. Мне помешали явиться к вам прошлым вечером...»

– Пойди взгляни! – произнес появившийся на пороге Морнэ.

Недалеко от входа в комнату стояла старая квадратная кровать с резными деревянными частями. Со временем дерево почернело и казалось сделанным из эбена. Наранха легла спать, не раздеваясь. Ее голова утонула в огромной копне красивых черных волос. Улыбавшийся Морнэ не мог отвести от нее взгляда. Взгляд был одновременно любящий и отеческий.

– Ты и в правду ее любишь? – спросил взволнованный Роже.

– Разве она недостаточно красива, чтобы быть любимой? – вопросом на вопрос ответил Робер.

– Она необычайно красива... Но ты любишь ее? Любишь по-настоящему?

С лица Морнэ исчезла улыбка. Встречаются люди, которые предпочитают не демонстрировать свои сердечные чувства. Выражение его лица стало несколько саркастическим, и он ответил:

– А знаешь ли ты, что Наранха ценна для меня не меньше, чем бочка золотого песка?

Роже вздрогнул, словно его окатили ледяной водой.

– Вот как, – сухо отозвался он. – И сколько же весит бочка золотого песка?

– Смотря какая бочка. Моя бочка, скорее всего, весит тысячу пятьсот килограммов.

– При том, что сама женщина очень маленькая. А сколько денег за это могут дать?

– При цене три тысячи четыреста франков за килограмм это составляет пять миллионов с хвостиком.

– Дорого же обходится один фунт маленькой женщины! – воскликнул Роже-Добряк. После этих слов он развернулся на каблуках и вернулся за стол.

Морнэ закрыл дверь спальни и отправился за ним.

– Если бы это была стандартная бочка, – с серьезным видом продолжил он, – то речь бы шла не о пяти, а о шестидесяти четырех миллионах, потому что золота в такой бочке было бы девятнадцать тысяч килограммов. В стандартную бочку помещается тысяча килограммов воды, а вода в девятнадцать раз легче золота.

Роже вновь взялся за письмо.

– Ты не слушаешь меня? – удивился Морнэ.

– Нет, – ответил Роже. – Я собираюсь написать тем, кто ждал меня вчера, что встреча состоится завтра.

– Только зря переводишь бумагу, – спокойно заметил Робер.

– Это еще почему?

– Потому что тебя не будет на этой встрече.

– Надеюсь, ты не собираешься удерживать меня насильно?

– Никоим образом.

– В таком случае спешу сообщить тебе, что меня совершенно не привлекают дела, связанные с бочкой золота...

– Наранха моя жена, – с нажимом произнес Морнэ, перебив своего друга. – Я бы солгал, если бы стал утверждать, что не стремлюсь стать богатым, потому что хочу, чтобы ей были доступны все земные радости. Но вот что я скажу тебе в глаза: я люблю свою жену и не променяю ее на все золото, заключенное в земной коре!

Роже положил перо на стол.

– Каждый любит по-своему, – пробормотал он. – Мне бы и в голову не пришло обменять на что-либо Нанон.

– Карамба! – гневно воскликнул Морнэ. – У тебя вообще туго с идеями, друг мой! Тебе, например, не пришла в голову мысль открыть дверцу чуланчика и выбросить негодяя в окно, предварительно задушив его!

– А вот и нет! – мягко ответил Роже. – Именно эта мысль пришла мне в голову.

– И что с того?..

– Я подумал: «А вдруг Нанон любит его».

– Это должно было укрепить твою решимость!..

Он умолк, увидев, что глаза Роже наполняются слезами.

– Все это пройдет, – сказал Роже, пытаясь улыбнуться. – Ты ведь знаешь, что я Роже-Добряк и принимаю жизнь такой, какая она есть. Мне нужно время, ведь рана еще совсем свежая. Через неделю я и думать обо всем забуду.

– Боюсь, что ты будешь думать об этом всю жизнь. – буркнул Морнэ.

– Оставим эту тему. Если я что-то сказал не так, то прости меня. Так о чем идет речь? О Наранхе или о бочке золота?

– О том и о другом... а также об этом восхитительном владении, вокруг которого мы скакали больше часа. Ты заметил висевшее на решетке объявление?

– Нет... Поместье выставлено на продажу?

– За три миллиона франков.

– На первый взгляд, это дороговато.

– Я готов заплатить в два раза больше.

– Поручи это дело мне. Если у тебя есть пять миллионов с хвостиков, то мы заплатим наличными и получим скидку.

– Но у меня их нет.

– Ты же сказал, что это приданное твоей жены...

– Эх, ты, нотариус! Какое приданное я мог получить за Наранху? Я забрал ее голой и босой из палатки индейца-апача.

– А где же бочка золотого песка? – спросил изумленный Роже.

– Отсюда до нее три тысячи лье с хвостиком.

– К черту твой хвостик!

– Ты все еще хочешь спать?

– Нет.

– Отлично. В ситуации, в которую мы попали, необходимо бодрствовать.

– Что еще за ситуация? Я не вижу ничего такого. Может быть, ты наконец удосужишься объяснить мне, какую игру ты затеял?

– Именно это я и хотел тебе предложить, – сказал Морнэ, доставая из шкафа бутылку и два стакана и ставя их на стол.

– Значит, это длинная история? – вздохнул Роже.

– Довольно длинная... закуривай сигару.

Скрипевшие в шкафу старые часы с гирями пробили три часа ночи.

Роже решительно отодвинул бумагу и перо и сказал:

– Утром допишу. Рассказывай самое главное, только суть дела. Не стоит упоминать приключения, иначе я засну.

Он всей душой ненавидел приключения.

VI. Бессонная ночь

Прежде чем начать свой рассказ, Робер Морнэ открыл окно, выходившее в сад. Затем он негромко свистнул, и в ответ тут же послышался такой же свист. Под окном дежурил часовой.

Роже окинул взглядом окрестности и увидел лишь освещенные лунным светом верхушки деревьев и остроконечную крышу маленькой колокольни. Вокруг царил тишина.

– Ничего себе! – сказал он после того, как Морнэ закрыл окно. – Похоже, что твои компаньоны никогда не спят.

– Спят они мало, – отозвался Робер. – Ничего, отоспят на судне.

– В самом деле, ведь предстоит преодолеть три тысячи лье с хвостиком. Прости меня за любопытство, но что означают эти ночные приготовления? Ты опасаясь вооруженного нападения?

– Да, – спокойно ответил Морнэ. – При нашей жизни вооруженное нападение вполне в порядке вещей.

Он присел и задумчиво добавил:

– Нас преследуют настоящие дьяволы. В интересах дела было бы лучше со всем покончить разом.

– Надеюсь, для меня припасли карабин.

– Конечно, причем прекрасный карабин, – ответил Морнэ, пожимая ему руку.

В ответ Роже тоже от души сжал руку Робера и постарался сделать лицо менее угрюмым.

– Теперь мне стало легче, – пробормотал он. – Ну, давай, рассказывай, я тебя слушаю.

Морнэ наполнил стаканы и принял позу человека, собирающегося рассказать длинную историю.

– Если я начну с самого начала, – сказал он, – тогда мы не закончим до следующего вечера. Все это происходило в весьма чудной стране...

– А там есть нотариусы? – спросил Роже.

– Да, но, чтобы стать в Мексике нотариусом, надо сдать экзамен на владение шестизарядным пистолетом. Знал я одного такого. Это был настоящий специалист. У него был мясной бизнес в Сан-Франциско, и он продавал мне говяжьи бифштексы по семь франков за фунт. Когда у него заканчивалось мясо, он надевал сюртук и шел служить мессу у анабаптистов. Месса проходила в том же сарае, где устраивали балы, на которых он играл на аккордеоне. Теперь он полковник, а то и бригадный генерал, если его, конечно, не повесили. Я глядел на него и думал, что в будущем все станут такими.

Он отпил глоток и торжественно провозгласил:

– Чудная все-таки страна. Но я ума не приложу, с какого конца начать эту историю.

– Судя по началу, – заметил Роже, – без приключений тут не обойдется.

– Знаешь, что я тебе скажу? По мне приключением и даже, в сущности, авантурой является подписание брачного контракта с барышней, которую не любишь, а также приобретение за триста тысяч франков какой-нибудь скорлупы типа нотариальной конторы, после чего человек вынужден всю жизнь прожить улиткой, имея при этом рост, фигуру, ум и сердце настоящего мужчины.

Роже тяжело вздохнул.

– Бог с ней, с барышней, – пробормотал он, – но нотариальная контора...

– Я понял, с чего надо начать! – воскликнул Морнэ и даже захлопал в ладоши. – Буду говорить ясно, конкретно и коротко. Если этой ночью ничего не случится, тогда утром ты сможешь уехать...

– Я уеду один?

– Естественно. Эти мерзавцы не знакомы с тобой. Проскользнешь, как письмо в почтовый ящик. Поедешь через Дре, заедешь в Эвре, там сменишь лошадей и поешь...

– Я не голоден, – сказал Роже.

– Ну как хочешь. Потом отправишься в Нейбур, а оттуда рукой подать до Онфлера. В Онфлере ты найдешь папашу Ренара, старого морского волка, который служил вторым помощником в одной гаврской судоходной компании. Я познакомился с ним по пути в Нью-Йорк. Сейчас он на пенсии. У него должна быть одномачтовая каботажная яхта или что-то вроде того, чтобы зарабатывать на жизнь и ходить против ветра. Ты скажешь ему: «Не люблю пароходы. Хочу добраться до Англии на хорошем парусном судне, которому нипочем сильная качка». Он сразу тебя поймет и, возможно, даже обнимет. Выдашь ему задаток, и, как только начнется прилив, вы сразу снимитесь с якоря. Такое тебе годится?

– Вполне, – сказал Роже. – А потом я свободен?

– Черт побери, приятель, если хочешь, считай себя свободным прямо сейчас.

Роже нахмурился.

– Я не заслужил такого к себе отношения, – сказал он.

– Ладно, ладно, – миролюбиво произнес Робер. – Не будешь ты свободен. Надо, чтобы ты полюбил мою жену, как собственную сестру...

– Я уже люблю ее братской любовью.

Морнэ расцеловал его в обе щеки.

– Если бы не твой заскок с нотариатом, – взволнованно заявил он, – каким шикарным парнем ты мог бы стать! У тебя есть еще вопросы?

– Нет, все понятно... кроме одного.

– Что тебе не ясно?

– Я не понимаю, почему вас преследуют эти люди.

– Ты задаешь правильный вопрос.

– Я так и не понял, кто эти люди?

– И тут ты прав.

– Мне непонятно, почему ты бежишь от злоумышленников, а я уверен, что они злоумышленники...

– Можешь не сомневаться.

– Ты бежишь от них, словно заяц от гончих псов, и происходит это во Франции в девятнадцатом веке, когда служба жандармерии достигла пика могущества...

Морнэ задумчиво почесал голову.

– Дружище, – сказал он, – боюсь, что мне будет непросто тебе это объяснить. Вот ты наверняка уверен, что цивилизация предпочтительнее, чем дикость.

– Ну, конечно, – с улыбкой ответил Роже. – Я придерживаюсь именно такого мнения.

– И провозглашаешь эту истину с улыбкой, достойной типичного нотариуса. Тем более что тебе есть на кого ссылаться. Знаешь, даже я полагаю, что бульвар Итальянцев в Париже – это прекрасное местечко, в котором добывать жизненные блага гораздо легче, чем в лесу. Однако я не такой упертый, как ты, и чтобы тебе это доказать, я воспользуюсь аргументами, имеющими отношение к твоей Нанон.

Роже вздрогнул и чуть не уронил свой стакан.

А Морнэ продолжал:

– Разве между вами не возникло некое препятствие, живое или неживое, но наверняка цивилизованное?

– Нет, – перебил его Роже. – Я ведь говорил тебе: если бы она захотела, то стала бы моей женой.

– А нет ли на свете какого-нибудь цивилизованного персонажа, которому ты настолько небезразличен, что он постарался огородить пропасть, в которую ты мог бы упасть и сломать себе шею?

Роже схватился за голову и задумался.

Неожиданно он бросился обнимать Морнэ, крича во все горло:

– Твоя догадка стоит бочки золота!

– Теперь я приведу свой второй аргумент, – произнес Морнэ, – имеющий непосредственное отношение к теме нашего разговора. Предположим, что мы находимся в прерии, и нас преследуют три убийцы. Что мы будем делать? Если у нас есть оружие и наши мозги в полном порядке, то мы попытаемся поменяться ролями и сами на них нападем. Например, мы пропустим их вперед, нападем из укрытия и всех перестреляем. Таков естественный порядок действий. Но в условиях цивилизации все обстоит иначе. Представители закона потребуют, чтобы им предоставили доказательства. И вы можете сколько угодно утверждать, что некий Жан намеревался заколоть вас кинжалом. Закон, к которому вы обратитесь, ответит вам так: «После того как Жан ударит вас кинжалом, постарайтесь обратиться куда следует и подать жалобу...»

– Ты преувеличиваешь! – усмехнулся Роже.

– Очень хорошо! Как легко ты бросаешься словами, которые могут завести нас очень далеко. Но я больше доверяю фактам, чем словам. Лично я, когда потребуется, могу вести себя, как дикарь, но только когда потребуется. В обычных обстоятельствах я веду себя, как хорошо воспитанный человек. Поэтому я прибег к помощи закона, обратившись к следователю, обязанному блюсти общественную безопасность. Я сообщил ему, что во Францию проникло некоторое количество людей, настоящих бандитов в полном смысле этого слова, которые для осуществления своих преступных замыслов не остановятся ни перед чем. Я назвал их всех по именам, описал, как они выглядят, и даже сообщил, что они намереваются похитить мою законную жену, чтобы с ее помощью завладеть шестьюдесятью четырьмя миллионами франков...

Лицо Роже болезненно исказилось.

– Тебя, конечно же, приняли за психа, – с отвращением в голосе сказал он.

– Именно так: за психа. Это слово легко произнести, а произнеся его, можно зайти очень далеко. Однако в действительности все очень логично. Я знаю, что в той бочке полторы, максимум две тысячи килограммов золотого песка общей стоимостью от пяти до семи миллионов франков, не считая хвостика. Но люди, о которых я тебе толкую, это профессиональные моряки, и слово бочка они воспринимают в техническом смысле...

– То есть они знают?.. – попытался уточнить Роже.

– Они не знают, где находится эта бочка, – перебил его Морнэ, старавшийся быть максимально убедительным. – Они знают лишь то, что где-то находится бочка золота. Под бочкой они разумеют стандартную емкость, в которую помещается тысяча килограммов воды. С учетом разницы в удельном весе золота там может находиться девятнадцать тысяч килограммов, а это, по их мнению, достаточное основание, чтобы устроить вселенский погром и учинить бесконечную, бессмысленную и кровавую оргию.

Морнэ вытер лоб. Он был очень бледен.

– Понимаю, – сказал Роже, которого уже слегка потрясывало. – Это какая-то бессмыслица, но похожая на правду.

– Это так же верно, как то, что наша комната освещается лампой, – мрачно произнес Морнэ. – Ты точно заметил, что мы с Наранхой похожи на дичь, которую преследуют охотничьи собаки, и все это происходит во Франции в девятнадцатом веке под носом у жандармов и – слава тебе, Господи! – в присутствии нотариуса.

– Я пока еще не нотариус, – вздохнул Роже, – и, кто его знает, не предпочтет ли мэтр Пьеданиэль другого клерка. Но твое дело гораздо важнее, чем мое...

– Ты так полагаешь? – с горьким сарказмом осведомился Морнэ.

– Совершенно очевидно, – продолжил Роже, – что следователь отнесся с недоверием к такой неправдоподобной истории. То, что ты ему рассказал, может происходить где-нибудь в саваннах, но только не в Париже. Понятно, что комиссары полиции назначаются не для того, чтобы охранять бочонки с золотом, припрятанные в трех тысячах лье с хвостиком от вверенных им префектур. И к тому же полиция не может нарушать великий принцип личной свободы. У общества есть единственное право: следить за соблюдением закона.

– И ты полагаешь, что в данном случае общество в полной мере обеспечило соблюдение закона? В настоящее время я не вижу большой разницы между французской сельской местностью и саваннами Нового Света. Соблюдение законности здесь контролируют лишь пара жандармов, дремлющих на своих смирных лошадках, и сельские полицейские, спящие в своих кроватях... А между тем, чтобы остановить братьев Смит потребуются полдюжины полицейских бригад и вдобавок...

– Вот как! – оживился Роже и резво подхватил свой стакан. – Значит, твои злодеи именуются братьями Смит!

– Они золотоискатели, моряки и бродяги, наполовину команчи, наполовину янки, а в сущности, настоящие демоны.

Роже потер руки.

– Не люблю я приключений, – задумчиво произнес он, – но никогда не откажусь прибить бешеную собаку. Но одно обстоятельство меня смущает, и я хотел бы его прояснить: эти гонимые псы умны?

– По-своему они, несомненно, умны.

– Тогда какая им выгода убивать тебя и твою жену? Они ведь не знают, где находится бочка с золотом.

– Меня им убить выгодно, это и так понятно. Другое дело моя жена. Они хотят захватить ее живьем.

– Чтобы заставить ее говорить?

Морнэ лишь кивнул в ответ. На лбу у него блестели капли пота.

– А если она не захочет говорить? – не отставал от него Роже.

– Они прибегнут к пытке, – с болью в голосе очень четко проговорил Морнэ.

– Пытка! – повторил возмущенный Роже и даже привстал со стула.

– Они уверены, – срывающимся голосом попытокнул Морнэ, – что ни одна женщина не сможет сохранить секрет, если ее подвергнуть пытке.

– Это черт знает что! – воскликнул Роже. – Уж не снится ли мне все это? Это переходит все границы! Пытать хрупкое изящное дитя! Дикари проникли в сердце Франции! Мы обязаны взять в руки карабины и с Божьей помощью уничтожить этих гнусных мерзавцев! Это станет моим первым и последним приключением. Я просто обязан проломить чью-то голову, а то и две. Пытать такую женщину из-за какой-то золотой пыли! Пусть только попробуют!.. Идем, прошу тебя! Что ты сидишь?..

Морнэ взглянул на него с холодной улыбкой.

– Куда прикажешь идти? – спросил он.

Роже уже открыл рот, чтобы ответить, но Робер властным жестом заставил его замолчать.

В этот момент кто-то стал скрестись в дверь, которая тут же отворилась. Показалась темная голова Мальгаша.

Он вошел в комнату и сделал пару торопливых шагов. Затем приставил ко рту горлышко бутылки и сделал большой глоток.

– Что нового, Мигель Мария? – спросил Морнэ.

– Вы очень неудачно сидите, – ответил Мальгаш. – Вас видно с трех точек: из амбара, из кустов, растущих вдоль дороги, и с самой дороги. Вас в два счета могут подстрелить.

После этих слов он передвинул стол к простенку между окнами.

– Достаточно было погасить лампу, – заметил Морнэ.

Мальгаш взглянул на него, как смотрят на малых детей, лепечущих всякие глупости.

Затем он заставил Морнэ передвинуть кресла. Роже уселся в одно из них, а свояки остались стоять у стены.

– Что-нибудь случилось? – во второй раз спросил Морнэ.

Роже обратился в слух. Он решительно перебил Мальгаша, который вознамерился говорить по-испански, сказав:

– Говорите по-французски, друг мой. Я имею право все знать.

– Он прав, – поддержал его Морнэ.

– Ладно, – сказал Мальгаш, обращаясь персонально к Роже, – но вряд ли вы услышите от меня что-то новое. У вас по ночам не так, как у нас, и сколько ни прижимай ухо к земле, со всех сторон слышишь одни только ненужные звуки. По дорогам шагают припозднившиеся люди, едут кареты, скачут лошади, гремят поезда. В такой гаме невозможно услышать, как крадется враг, да и невозможно идти по следу по вашим затоптанным дорогам. Во Франции такой человек, как я, способен сделать лишь то же самое, на что способны вы.

Он вежливо поклонился и, повернувшись к Морнэ, доложил:

– Я ничего не видел. Грело тоже ничего не видел. Старик в установленное время обходит двор. Он сказал, что эта ночь такая же, как и все остальные. Как всегда, между хлебом и стеной парка бродят мертвецы.

– Вот как?... – встрепнулся Морнэ. – Венсан видел мертвецов?

– Да. По-моему, где-то неподалеку находится кладбище.

– Кладбище совсем близко отсюда.

– Тогда и удивляться нечему. Но я велел Мадлен принести вам по карабину.

– Правильно сделал. Не нравятся мне бродячие мертвецы.

Дверь во второй раз открылась, и на пороге показалось перекошенное от страха лицо старой Мадлен. В каждой руке у нее было по карабину.

– Да поможет нам Бог, господин мой! – блеющим голосом пропела она. – Что может произойти этой ночью в доме вашего отца?

Она прислонила карабины к стене и добавила:

– Пес Тюрк не был так страшно с той самой ночи, когда в комнате, где вы сейчас находитесь, скончалась наша хозяйка... А Венсан сказал, что мертвецы шастают по стенам парка Бельбон.

Пока Мадлен осеняла себя крестным знамением, Мигель и Морнэ обменялись быстрыми взглядами.

– Отнесите что-нибудь выпить молодому человеку в саду, – сказал Морнэ. – Следующей ночью вы будете спать спокойно.

Как только Мадлен вышла из комнаты, он озабоченным тоном произнес:

– Что вы думаете обо всем этом, Мальгаш?

Мигель покачал головой и ответил:

– Я ничего не видел и ничего не слышал, но они следуют за нами по пятам от самого Парижа, руку даю на отсечение. Я их чую.

– Вот и я их чую, – согласился Робер.

– Ей-богу, – пробормотал Роже, – мне кажется, что я тоже их чую!

Мигель покровительственно кивнул ему и пошел к двери, сказав напоследок:

– Пойду на кладбище, взгляну на мертвецов, которые шастают по парковой ограде.

Вышел он совершенно бесшумно, как и вошел. В ночи раздался крик филина, сидевшего где-то на верхушках деревьев.

– Робер! – ласково позвала Наранха. – Подойди ко мне!

Дверь в ее комнату отворилась, и Роже услышал, как она сказала:

– Мне приснилось, что нас обоих захватили в плен. Они сказали мне: выдай секрет – или твой муж умрет.

VII. Революция в Мексике

Ночь выдалась тихая и спокойная. Изредка на диск луны набегали небольшие тучки.

Наранха, успокоенная поцелуем мужа, вновь заснула.

– Я вспомнил о тебе, потому что, кроме тебя, у меня никого нет, – сказал Морнэ, продолжая начатый разговор. – В Мексике, где я прожил несколько лет, много смелых людей, которые каждый день рискуют жизнью, но даже там я не встретил никого, кто был бы отважней тебя. Ты мое лучшее воспоминание. Помню, как ты был тверд и силен во время наших подростковых драк.

– Знаешь, – сказал Роже, – ты держался не хуже меня... но драка на кулаках – это все же не приключение.

– Когда я понял, какая опасность грозит мне и этому драгоценному созданию, которое для меня дороже жизни, я подумал: «У меня ведь есть Роже».

– Браво! Вот если бы речь шла о гражданском споре...

– Ты просто не знаешь самого себя.

– Возможно, – перебил его Роже. – Возможно, я действительно герой. Но давай рассуждать здраво. Я уже знаю половину твоей истории. А знаешь ли ты, как поступил бы я на твоём месте?

– Ну-ну, интересно, чтобы ты сделал?

– Предположим, что меня и Нанету, как и тебя, стали бы преследовать дикари. Если бы это случилось в стране дикарей, то я был бы в большом затруднении, но во Франции я плевать хотел на всяких там краснокожих. Я бы их так прижал, как они не сумели бы прижать меня даже в пустыне. Я не стал бы обращаться к следователю, который в данном случае совершенно бессилен. Правосудие – это лишь часть цивилизации и, возможно, не лучшая ее часть. Наше правосудие слишком старо и поэтому страдает старческими привычками и болезнями. То, что я понимаю под цивилизацией, это сама наша жизнь, наше современное образование, нравы, темп жизни, материальный прогресс, поэзия, величие наших достижений. Твои дикари пользуются силой пустыни, а я противопоставлю им силу толпы. Против их ночи я выставлю уличные фонари, против тишины – городской шум, против стремления к уединению – нашу сутолоку. Я возьму свою жену под ручку и посажу ее в поезд, идущий в Гавр, причем выберу такой вагон, в котором едет веселая компания. Что тут смогут сделать твои дикари? Мы промчимся по стране и через пять часов будем на набережной Гавра. Там нас будет ждать огромный пароход, полный пассажиров. Каюта будет уже забронирована. Что в такой ситуации могут сделать твои дикари? Одно из двух: либо они остаются на суше, и тогда я делаю им ручкой, либо они тоже поднимаются на борт. Если шепнуть на ушко капитану словечко, подкрепив его билетом в пятьсот франков, то это может многое решить. Например, будет объявлено: дамы и господа, имею честь предупредить вас, что на борту присутствуют три бандита, которые намерены совершить преступление. Вам придется выбирать между честным человеком, защищающим свою жену, и этими господами. Понятно, что такое заявление вызовет всеобщий смех. Выглядеть это будет очень глупо, но люди будут предупреждены, и бандитам придется вести себя смирно. Следовательно, переход через океан пройдет спокойно. Наконец мы прибываем в страну золотых бочек, гремучих змей, тигров, бандитов и приключений. Здесь нам предстоит драться лицом к лицу. В этой стране нет надежды на прокуратуру, следовательно, все решает право сильного. Иными словами, все будет происходить так, как это было у нас в коллеже, с той лишь разницей, что в ход будут пущены не кулаки, а ножи и револьверы. Что ж, я готов. Полагаю, что Томас Стоун в чем-то был прав: если меня пригласят на этот танец, то я покажу себя неплохим танцором. Я их всех поубиваю, если, конечно, не убьют меня. А почему меня должны убить? Ведь у меня твердая рука и верный глаз. Избавившись от бандитов, мы спо-

койно отыщем бочку золота, после чего купим твои вожаделенные две тысячи гектаров земли. Как тебе нравится моя программа?

Свою замечательную речь Роже произнес с жаром и очень убедительным тоном. Морнэ слушал его с задумчивым видом. Помолчав, он наконец заговорил:

– В том, что ты сказал, есть своя доля правды. Но в твоих словах заключена не вся правда, потому что всего ты не знаешь. Если бы речь шла только о том, чтобы целыми и невредимыми добраться до моря и даже без проблем пересечь океан, то тогда твой план был бы хорош, хотя эти варвары даже посреди толпы могут сотворить такое, что ты и представить себе не можешь. Был момент, когда я подумывал о таком варианте действий. Этот путь казался мне очевидным и достаточно безопасным. Но я неспроста предпочел пойти неведомыми путями, не стал уповать на закон и правосудие и попытался перехитрить дикарей, ввязавшись в борьбу с ними. Просто я понимал, с каким сильным противником имею дело. В той игре, что я затеял, путь к цели делится на три этапа. Сначала надо добраться до моря, потом пересечь океан и наконец предпринять длительное путешествие в другом полушарии. На первом и втором этапах твой замысел мог бы сработать, но уже на пороге третьего этапа, следуя твоему плану, мы оказались бы беззащитными перед лицом целой своры дикарей, которые сразу пустились бы по нашим следам и только ждали бы удобного случая, чтобы расправиться с нами. К сожалению, в тех местах нет никакой романтики, а есть лишь грубая неотвратимая реальность. Не могут же твоя любимая толпа и представители закона сопровождать нас в австралийской пустыне.

– Вот как! – сказал Роже. – А я думал, что речь идет о Мексике.

– На самом деле, это странная история, – ответил Морнэ. – С момента нашей встречи я намеренно ходил вокруг да около, тщательно избегая рассказа о тех событиях, которые стали причиной того, что сейчас происходит. Ты достаточно умен, чтобы понять, что у меня имелись веские основания, чтобы разыгрывать всю эту комедию с нашим отъездом из Парижа. Это было последнее звено в цепи мер предосторожности, которые нам приходилось принимать по пути во Францию. Пока неизвестно, подобрался ли к нам наши преследователи, или они натолкнулись на какие-нибудь непреодолимые препятствия. Об этом мы узнаем еще до рассвета. Между прочим, в Париже в доме на авеню Монтень действительно находился настоящий покойник, и все посмертные формальности были в точности соблюдены. Таким способом удалось обмануть ищек из парижской полиции. Но нас преследуют настоящие дьяволы. Недаром Мигель сказал: «Я их чувствую». Мигель редко ошибается. Вполне возможно, что конец нашей авантюры уже близок.

– Их трое, – сказал Роже, – и нас тоже трое. Нам нужна не авантюра, а битва по всем правилам.

– А Грело, по-твоему, не в счет? Если ты не берешь его в расчет, то ты ошибаешься. Но действительно ли их трое? Экипаж «Святого Жан-Батиста» состоял из четырнадцати человек.

– Я уже второй раз слышу это название – «Святой Жан-Батист», – заметил Роже. – О чем идет речь?

– Это название американской шхуны-брига. Послушай, сейчас два часа ночи, и мы должны ждать, не смыкая глаз. Прижмись к стене, твое плечо видно снаружи. Им этого вполне достаточно. Мне хватит двух часов, чтобы ты смог все для себя прояснить.

– Согласен, – ответил Роже и теснее прижался к стене. – Начинай свой рассказ, но постарайся поменьше говорить о приключениях.

Морнэ наполнил стаканы. Он встал со стула и приоткрыл окно, стараясь держать голову на уровне подоконника. Затем он едва слышно свистнул, и в ответ послышался такой же свист.

– Все в порядке, – сказал он, возвращаясь на свое место. – Эти парижские гамены бывают незаменимы. Значит, так. Когда мы расстались в тот вечер после окончания коллежа...

– Черт побери, – буркнул Роже. – Мы так и будем начинать с Адама?

– Не перебивай меня. В тот вечер у меня в кармане лежала книга: первый роман Габриэля Ферри, истинного поэта пера и шпаги, которого я потом повстречал в прерии Соноры. Вместе с ним был его кузен, его брат по перу и по оружию, благородный Поль Дюплесси. Они были гордыми молодыми людьми, и оба умерли вдали от воспетых ими непроходимых лесов. Благодаря им у меня созрело намерение, которое одобрил мой отец: отправиться на поиски золота, разбогатеть и возродить славу нашего древнего имени. Вскоре я тронулся в путь.

Я отправился в такие места, которые в то время были у всех на устах. Золотая лихорадка вещь заразная. В какой-то момент интерес к этим таинственным местам вырос до такой степени, что их описание прославило даже самых бесталанных литераторов. Люди жадно читали все, что было написано о территориях Нового Света, на которых разыгрывались драмы, замешанные на золоте и крови. Иногда попадались более или менее правдивые описания, но в большинстве случаев в предлагавшихся европейской публике описаниях преобладали ложь и бессмыслица.

Вся моя молодость прошла в этом райском уголке земли, захваченном слугами сатаны. Подчас я буквально не мог дышать, до такой степени меня ужасала грубость мексиканской жизни. У меня до сих пор перехватывает дыхание, когда я вспоминаю то варварство, с которым мне пришлось столкнуться. Я многое повидал за эти годы. Я видел охваченные пожарами холмы, охранявшие строже сказочных сокровищ, я видел озера, полные золота, но они были прокляты, потому что из тех, кто погружался в них, никто назад не возвращался, я видел поля, усеянные костями героев-золотоискателей, и долины с россыпями самородного золота, ослепительно блестящего на солнце.

Я встречал там авантюристов, которые своим величием не уступали королям. В основном это были французы, и, глядя на них, мне казалось, что они намереваются создать новую французскую империю. Но за гигантами всегда следуют карлики. Как бы таинственно это ни звучало, но гигант, которого карлик укусил за пятку, всегда умирает.

Я встречался с сильным, благородным, отважным Пиндрэ, деяния которого подобны подвигам Геракла. Я познакомился с великим завоевателем, истинным рыцарем Гастоном де Рауссе-Бульбоном, которого впоследствии не только прославили, но и грязно оклеветали¹². Я жил рядом с ними, воевал под их началом, возможно, я даже стал в чем-то похожим на них...

Но рассказать я собираюсь не о себе, а о той драме, в которой тебе благодаря нашей братской дружбе отведена определенная роль.

В конце мая 1857 года я впервые попал в дом отца Наранхи. В то время я был вооружен до зубов, а мой пояс был туго набит самородками. Так сложилось, что я оказался фантастически удачливым золотоискателем, однако в те злосчастные дни я находился в бегах и блуждал по берегу залива Кортеса, пытаясь пересечь Алое море¹³, чтобы попасть в Калифорнию. Дело в том, что я сделал попытку осуществить один проект в северной части Соноры, подобный тому, который за несколько лет до меня неудачно пытался реализовать Рауссе-Бульбон. Случилось так, что на землях, расположенных западнее города Ариспе, взбунтовалось население, и жители довольно большой территории избрали меня своим вождем, собрали под моим командованием целую армию и предложили выставить ультиматум правительству Мексики. Однако когда дело дошло до перестрелки, все мои друзья удалились на сиесту, а моя армия испарилась. Со мной остались только двадцать европейских авантюристов. Однако и с такими силами мне удалось захватить целый городок. В нем проживали шестьсот мексиканских душ, которыми командовали одиннадцать генералов. Вечером того же дня мы оставили городок, отступив в полном боевом порядке.

¹² Маркиз Шарль де Пиндрэ (1816—1852) и граф Гастон де Рауссе-Бульбон (1817—1854) – французские эмигранты-авантюристы, исследователи мексиканских дебрей Соноры, прототипы героев нескольких приключенческих романов Гюстава Эмара (серия «Чистое Сердце» и др.) – *Примеч. ред. «Вече»*.

¹³ Калифорнийский залив.

На следующий день мои друзья, подбившие меня возглавить бунт, перешли на сторону мексиканского правительства. Нам оставалось только скрыться в горах, где мой отряд рассеяли индейцы-апачи. Эти жуткие люди не привыкли тратить время на переговоры с противником. Апачи просто дерутся, как дьяволы, причем воюют они непрерывно.

Мой нынешний шурин Мигель Мариа обнаружил меня в поле умирающим от голода и жажды. Правда, начал он с того, что разрядил в меня свой мушкет. Такие меры предосторожности в этих краях являются делом обычным. Я назвал это место полем, потому что отец Мигеля и Наранхи владел на побережье одной из крупнейших плантаций. Он был могущественным, как феодальный барон, и таким богатым, что даже не знал размеров своего состояния.

Мигель принес мне свои извинения (мексиканцы вообще отличаются исключительной учтивостью) и удивился тому, что не попал в меня. Он даже счел это чудом. Я напился из его фляги, а когда мы проходили мимо водопоя, я своими глазами видел больше тысячи голов потрясающего скота.

На языке жителей Соноры сеньор Фернан Перес да Конча назывался фермером или ранчero. Но сам он считал себя главным человеком на земле. При желании он мог довести количество крупного рогатого скота до десяти тысячи голов или собрать в своем *корале* полторы тысячи самых прекрасных в мире мустангов. Этот фермер держал сотни слуг. Среди них были белые, негры, краснокожие, метисы и даже люди дворянского происхождения. Так, во всяком случае, утверждал его интендант, которого на полном серьезе звали сеньор де Пизаре (обрати внимание на частицу *де*). Сеньор Фернан, помимо ранчо, владел также шахтами и тремя промыслами по добыче жемчуга, которые располагались в заливе между Серальво и Эспириту-Санто. Он обещал профинансировать мой поход на Мехико и собирался стать военным министром в нашей будущей империи. В Мексике сотни таких министров, и все они участвуют во множестве серьезных комбинаций. Половины из них достаточно, чтобы управлять целым миром.

На ранчо было возведено огромное количество строений, которые располагались вокруг холма и занимали территорию, на которой можно выстроить целый город. Большинство из них было сооружено из терракоты, но все без исключения отличались элегантностью, и в каждом имелась огромная терраса, напоминавшая висячий сад. Поселение было огорожено толстыми стволами деревьев, которые, к сожалению, не спасали от набегов индейской кавалерии.

Сеньор Фернан Перес да Конча принял меня как дорогого гостя. Французские вина лились рекой. После третьей бутылки шато-лафита¹⁴ (которое на деле оказалось неплохим бургундским вином), он сообщил, что собирается свергнуть президента республики и честно признался, что после победы, скорее всего, выгонит меня ко всем чертям. Он полагал, что Мексика является центром вселенной, и предлагал завоевать Соединенные Штаты, отодвинуть мексиканскую границу до Канады, а затем захватить Бразилию и прочие государства на юге континента. Решив эту задачу, он собирался взяться за Старый Свет.

Между прочим, сеньор Фернан успел назначить своих вице-королей в Париже, Лондоне и Санкт-Петербурге. Он обещал быть милостивым государем, беречь народы и поощрять виноделие. В вине он разбирался совсем не плохо.

Время от времени он вызывал к себе своего интенданта сеньора де Пизаре и шелкал его по ушам, а также давал ему пинок под зад. Сеньор Пизаре со всей серьезностью относился к такому проявлению доверия, а, покинув своего благодетеля, принимался оказывать такие же знаки внимания своим подчиненным.

В доме сеньора Фернана царили патриархальные порядки. В патриархальных домах обычно можно встретить одну Сару и множество Агарей¹⁵. К тому времени Сара уже умерла,

¹⁴ Знаменитое красное бордоское вино.

¹⁵ История из книги Бытия. Жена Авраама Сара не могла родить ребенка, поэтому она благословила мужа на брак со

и сеньор Фернан вдовствовал в окружении детей от Агари. Подсчитать количество Агарей было невозможно. Я бы сказал, что имя им легион. Поэтому их потомством были заселены все окрестности. Сеньор Фернан был не менее плодовитым отцом, чем Приам. Половина служивших у него лакеев, треть пастухов и три четверти служанок почитали его, как отца. Он же не испытывал по этому поводу ни радости, ни печали и равнодушно взирал на разноцветное потомство, заселившее его владения.

Французские вина лились рекой

Необычным было лишь то, что среди такого великого множества побочных детей не нашлось ни одного законного наследника. Сара долгие годы упорно оставалась бездетной, тогда как сыновья и дочери Агари рождались в невероятных количествах. Но сеньора Фернана это совершенно не беспокоило, потому что он уже объявил наследницей одну очаровательную девочку, которая, по его собственному утверждению, была красива, как юная Венера, притом что ее отец был весьма уродливым португальцем. Своей монаршей волей он объявил девочку законным ребенком и воспитывал ее как принцессу королевских кровей.

Этой девочкой и была Наранха.

В ту пору ей исполнилось пятнадцать лет.

Мне не сразу удалось ее увидеть, потому что за месяц до моего появления в доме сеньора Фернана на его ранчо с целью похищения женщин совершили набег апачи из Рио-Колорадо. Сеньор Фернан абсолютно спокойно поведал мне, что Наранху, свет его очей, похитили вместе с дюжиной других юных дев.

своей служанкой египтянкой Агарью.

Сам не знаю, зачем я предложил патриарху напасть на деревню апачей и вызволить его дочь. Думаю, что тут вмешалась судьба. Сеньору Фернану мое предложение очень понравилось. Он сказал, что будет рад вновь увидеть усладу своей души, что он отдаст мне ее в жены, а в качестве приданного подарит три промысла по добыче жемчуга и пятьсот голов скота. Я посмеялся, но принял его предложение.

К утру следующего дня сеньор Фернан успел полностью забыть о нашей договоренности, а когда я ему напомнил, он сказал: «Ладно, ладно, но, чтобы не сидеть сложа руки, отправляйтесь на север охотиться на буйволов... ну и заодно верните в отчий дом мое дорогое создание».

В качестве помощника мне был придан Мигель. Его уже тогда звали Мальгашем, потому что его матерью была великолепная негритянка с Мадагаскара. Его невесту Сюзану тоже похитили индейцы. Помимо Мальгаша мне были приданы еще шестнадцать человек, один из которых, служивший поваренком на кухне сеньора Фернана, сильно смахивал на обезьяну и имел честь быть парижанином с улицы Гренета. Где только не встретишь парижских гаменов. К счастью, невыносимы они только в Париже.

Мы отправились в путь 1 июня 1857 года, оснащенные всем необходимым для охоты на буйволов. Сеньор Фернан проделал вместе с нами часть пути, периодически стегая хлыстом господина де Пизаре, чтобы продемонстрировать свое хорошее настроение. Нам выдали великолепных лошадей и вооружили до зубов. Из восемнадцати участников экспедиции человек десять были очень жесткими парнями.

Среди вольных индейцев, ведущих непрерывные войны на границе Мексики, самыми отчаянными считаются апачи и их заклятые враги команчи. Мужчины этих племен всегда бьются верхом. Они используют дичайшую тактику боевых действий и демонстрируют ужасающую отвагу. Индеец любого из этих племен не уступит в поединке вооруженному до зубов европейцу. Зато в лесах и прериях, где успех зависит от тонкого чутья, мгновенной реакции и отличного знания местности, один апач в состоянии справиться с десятью мексиканцами.

Наш отряд пять месяцев не сходил с тропы войны, и мы, скорее всего, потерпели бы поражение, если бы не повстречали троих человек, оказавшихся братьями. Они были уроженцами американцами и к тому же отпетыми нехристями и нечестивцами. По Мексике они блуждали в поисках золота или, точнее говоря, разбогатевших золотоискателей. Эта троица была известна под именем братьев Смит, и звали их Том, Сэм и Джонатан. К тому времени мне уже доводилось слышать о них. Они пользовались зловещей репутацией среди живущих в прерии метисов и действовали на равных с вольными индейцами. На суше они занимались бандитизмом, на море – пиратством, жили за счет разбоя, но так и не смогли сколотить состояние.

За пятьдесят унций золота, из которых двадцать пять они потребовали в качестве задатка, братья Смит согласились навести нас на лагерь апачей.

В тот момент мужчины племени воевали с команчами, живущими в Кордильерах. В стойбище мы обнаружили только молодых воинов и стариков, охранявших индейских женщин.

Индейцы-апачи отличаются странным сочетанием вкусов. Они обожают грабежи, убийства и откровенный разврат. Что касается женщин, то эти дикари одновременно любят их и презирают, напоминая тем самым наших завсегдатаев кафе на бульваре Монмартр. За исключением чуть большей мужественности, они похожи на наших щёголей-денди из квартала Шоссе д'Антэн: этикие пижоны пустыни. Бьюсь об заклад, что потребуется не больше шести недель, чтобы превратить апача в типичного посетителя «Кафе де Варьете»¹⁶ или персонажа пошлого водевиля. Женщины для них – что-то вроде лакомого блюда, которое они сжирают, а остатки с отвращением выбрасывают. Ни одному апачу даже в голову не придет, что за такую «еду»

¹⁶ Кафе на Монмартре близ театра Варьете, популярное место встречи актеров, писателей, журналистов и представителей богемы того времени.

надо платить. Вместо благодарности они бьют женщин и убивают. Вот для того, чтобы отучить их от этой привычки, мне и потребовались бы недель шесть цивилизованной жизни.

Наранхе в этом смысле повезло. В нее влюбился вождь племени, который не позволил совершить над ней насилие. Что ни говори, а настоящего рыцаря можно встретить в любой точке мира. Наши союзники братья Смит сообщили, что вождя зовут *Peep o'day*, что означает *Рассвет*, что он великий воин и намерен взять Наранху в жены.

Мы обнаружили ее в хижине, в которую не допускались мужчины. Обслуживали девушку старые *скво*, относившиеся к Наранхе, как к принцессе. Стоило мне увидеть ее улыбку, как у меня возникло ощущение, что я впервые в жизни вижу женщину. Всю ночь мы сеяли ужас и проливали кровь, но в итоге я унес ее на руках. Она была без чувств, и я до сих пор помню, как я вез Наранху на летевшем вскачь коне, а меня ласкали ее развевавшиеся на ветру волосы.

Когда она очнулась, мы взглянули друг другу в глаза, и она сказала: «Сегодня мне исполнилось пятнадцать лет. Я молила Бога, чтобы Он прислал мне друга, потому что Рассвет пообещал в этот день вернуться и сделать меня своей женой».

– Кого вы называете своим другом, Наранха? – спросил я.

– Я не знаю... того, кто меня полюбит... возможно, вас.

Так произошла наша помолвка.

На ранчо сеньора Фернана мы привезли шестьсот буйволиных шкур, но только двух женщин. Остальные женщины не выдержали зверской любви этих тигров в человеческом облике и умерли. Только Наранхе удалось сохранить свою волшебную улыбку. Сюзанна, невеста Мигеля, ехала с нами мрачная и похожая на статую. Временами у нее случались приступы безумия, и тогда ее страдания прекращались. Но как только к ней возвращался разум, она заявляла, что хочет умереть. Грело, который все это время потешал нас и демонстрировал чудеса отваги, не прекращая при этом шутить, был потрясен видом этой несчастной, которая впадала в безумие всякий раз, когда к ней приближался Мигель. Однажды вечером Грело сказал нам:

– Сюзанна сообщила мне, что братья Смит дважды заработали на похищении наших женщин. Они за деньги навели нас на стойбище индейцев, и они же навели апачей на наше ранчо. Вот будет история, когда Мигель вызовет на бой на ножах одного из братьев Смит.

После пяти месяцев отсутствия, 27 октября, мы постучали в дверь дома сеньора Фернана. С виду его дом несколько не изменился. Мы знали, что за время нашего отсутствия в Мексике произошло несколько мелких политических потрясений, но нам до этого не было никакого дела. К нашему удивлению, на пороге дома показался человек в генеральской форме. Это был господин де Пизаре. Теперь он был суверенным хозяином ранчо, конфискованного у бедного сеньора Фернана, который отныне служил у него доверенным человеком. На ранчо было полно вооруженных людей. Оказалось, что одним прекрасным утром господин де Пизаре был провозглашен местным героем. Теперь он готовил нападение на неизвестный мне городок, население которого высказалось в пользу неведомого мне политика. Множество жителей ранчо нацепили солдатскую униформу и вооружились длинными копьями, украсив их лентами с воинственными надписями. Все эти храбрецы орали здравицы в честь кого-то и чего-то, однако Грело, который хорошо знал местный диалект, сказал мне, что в армии генерала Пизаро враждуют между собой пять политических партий и не исключено, что большинство выскажется в пользу бывшего шеф-повара, который заделался полковником. Этот государственный деятель намеревался двинуться маршем на Мехико. Грело был уверен, что тогда ему достанется министерский портфель.

Генерал Пизаро встретил нас сурово, не скрывая своих подозрений относительно нашей политической ориентации. Как только бедный сеньор Фернан, плача от радости, бросился к Наранхе, генерал немедленно вернул ему старые долги. Он шелкнул его по носу и выдал такой же пинок под зад, какие когда-то получал сам. А дальше все было, как всегда: сеньор Фернан всем своим видом показал, что он польщен таким проявлением внимания и доверия. При

этой экзекуции присутствовало незаконное потомство бывшего хозяина ранчо, которое единодушно высмеивало своего родителя.

Между тем генерал, как это свойственно всем великим людям, очень живо интересовался прекрасным полом. Из-за этого ему пришла в голову весьма неудачная мысль. Своей жирной лапой он схватил Наранху за подбородок и сказал:

– Как ты выросла, Анита. Ты мне нравишься. Теперь ты станешь моей фавориткой.

Наранха оттолкнула его, а я разбил ему голову бамбуковой палкой, которая случайно оказалась у меня в руке. Он упал, как оглушенный бык.

Сеньор Фернан бросился на меня с ножом, крича во все горло:

– Ах ты оборванец, предатель, бандит, еретик! Ты хочешь помешать счастью моей дочери?

VIII. «Святой Жан-Батист»

– Наранха бросилась между мной и отцом, – продолжил Морнэ, – и тут же десятки голов завопили: «К оружию! К оружию!»

Каждый призывал в свидетели всех святых, но поднимать генерала никто не стал. Когда сеньор Фернан понял, что генерал лежит без сознания, он назвал его предателем и обругал собачьим сыном. Господин Пизаре был не в состоянии что-либо ответить. Тогда сеньор Фернан обозвал его трусом и выдал ему знаменитый щелчок по носу, считавшийся символом власти. В сложившейся ситуации армия не могла не заявить о своей позиции. Я был провозглашен вице-королем и пообещал собравшимся новую конституцию. В ответ заржали лошади, заколыхались прикрепленные к копьям ленты, все заорали, принялись палить из мушкетов, и по рукам пошла чаша с *пинолем*, местной водкой. Так было отмечено начало эры славы и процветания, в которую вступила эта благословенная местность. Наконец-то люди сами избрали своего руководителя. Правда, радость сеньора Фернана напоминала горячечный бред, из-за чего многие посчитали, что он тронулся умом. А на генерала надели наручники, объявили врагом конституции и заперли в погребе.

Сеньору Фернану доводилось слышать, что охранники португальского короля спали у двери покоев их хозяина. Поэтому он приказал поставить его кровать на пороге моей спальни. Таким образом, спал я под надежной охраной.

Утром меня разбудил гул звонившего во всю мощь набата. Вскоре к торжественному звону добавились залпы мушкетов и отчаянные крики. Оказалось, что армия вновь встала на сторону генерала. За это высказался местный электорат. Меня обвинили во множестве преступлений, и народ требовал мою бедную головушку. Несмотря на ранний час, пиноль лился рекой.

«К оружию!» – кричала толпа.

Грело принес мне заряженный карабин. Мигель с оседланными лошадьми ждал нас рядом с деревьями, ограждавшими городок. Мы разможили несколько самых горячих голов и пустились наутек, отказавшись возглавить новое народное восстание. Такая борьба за власть типична для Мексики. Как правило, за власть там борются какой-нибудь сеньор Фернан и некто подобный господину де Пизару. При этом никаких прав на власть не имеют ни тот, ни другой, а арбитром, решающим, кто из них главней, может оказаться первый встречный.

Мне было известно, что в распоряжении братьев Смит имелась ходкая шхуна-бриг, на которой они бороздили воды Сан-Хосе. Во время нашей экспедиции к апачам я договорился со Смитами сплавить в Европу и вернуться назад в Мексику. Я намеревался набрать себе команду из представителей самого страдающего народа на свете, о котором красноречивые политики всегда забывают упомянуть, когда произносят речи о правах человека. Я имею в виду ирландцев, которые готовы служить каждому, кто вытащит их из того ада, в котором они влачат свое существование.

Когда мы покинули ранчо, нас было четверо: Мигель, Грело, Наранха и я. Остальные члены моей команды предпочли накачиваться пинолем, который щедро раздавал генерал. Что касается бедняжки Сюзанны, то она окончательно потеряла рассудок и сбежала в неизвестном направлении. Мы добрались до побережья, преследуемые всадниками, вооруженными копьями с лентами, и, как было договорено, встретились с братьями Смит. В самой высокой части берега уже горели костры, служившие сигналом для экипажа «Святого Жан-Батиста». Однако на горизонте не было видно ни одного судна.

В ожидании судна мы провели три дня. Ночевали мы в крохотном поселке, состоявшем из нескольких хижин, в которых проживали семьи ловцов жемчуга. Там же ютилось одно несчастное доброе создание, негр по имени Бамбо. Он был профессиональным ловцом жем-

чуга, но из-за болезни был вынужден целыми днями крутиться среди женщин. Они, смеясь, называли его «человеком, владеющим бочкой золота», потому что, когда пиноль развязывал ему язык, он начинал хвастаться, что знает одно место, где зарыта бочка золота.

Как видишь, только теперь мы подходим к самой сути моей истории.

Доброй и отзывчивой Наранхе были известны кое-какие наивные секреты мексиканской народной медицины. Она стала ухаживать за Бамбо, который буквально боготворил ее. Однажды вечером, напившись какого-то зелья и уже отходя ко сну, он сказал Наранхе: «Хозяйка, вы будете богатой, как королева». Тогда нам показалось, что он что-то бормочет во сне.

Эта сцена попала на глаза двум братьям Смит. Позже Грело сказал мне, что они обменялись нехорошими взглядами. Но тут появился Сэм и объявил, что на горизонте показался «Святой Жан-Батист». Мы все побежали на берег и в дальней точке залива разглядели какие-то огни. Тогда мы погасили сигнальные костры, закутались в плащи и легли спать, намереваясь уже завтра подняться на борт судна.

Мы действительно поднялись на борт, и только Наранха заметила, что в час отплытия негр Бамбо не пришел пожелать ей доброго пути.

Мы вышли из залива, обогнули мыс Сан-Хосе и при попутном северо-восточном ветре набрали скорость в восемь узлов. «Святой Жан-Батист» действительно оказался очень ходким судном. Вместе с нами на борту были все три брата Смит. К нам братья не испытывали большой симпатии, но только Мигеля они объявили своим врагом. Впрочем, Мигель скрывал свою обиду и до возвращения не собирался выяснять отношения. Что касается экипажа, то это была еще шайка. По каждому из них плакала веревка, но все они отличались жизнерадостностью и с большой симпатией относились к Грело. Ну а братья Смит верили в успех нашей экспедиции и надеялись как следует пожить. Они знали, чего мы стоим, и не собирались на нас нападать. Поэтому спать мы могли совершенно спокойно.

Я не стану рассказывать в подробностях о том, как проходило наше плавание. Мы, как и положено, умирали от жары в тропиках, мерзли, когда огибали мыс Горн, и страдали от нескончаемых штормов, которые постоянно бушуют в этих широтах. «Святой Жан-Батист» показал себя великолепным судном, правда, я подозревал, что своим хозяевам оно досталось за недорого.

На двенадцатый день плавания, двигаясь на северо-восток, мы оказались на траверзе Ла Платы. Наранха вместе с охранявшим ее Грело стояла на палубе. Хочу заметить, что нам не требовалось охранять девушку от экипажа брига, потому что моряки обожали ее за ласковый и мягкий характер. Наслаждаясь теплым морским воздухом и прекрасным видом спокойного моря, она неожиданно услышала чей-то ужасающий крик. Наранха родилась в такой стране, где женщины спокойно относятся к жестокости, как по отношению к животным, так и к людям, но только она в отличие от тамошних женщин была способна к состраданию и умела любить всей душой. Сердце у нее золотое, и она не могла не обратить внимание на этот крик. Грело заинтересовался, не заболел ли кто-нибудь из матросов, и не учинили ли братья Смит в трюме жестокое наказание кого-нибудь из членов экипажа для поддержания своего авторитета. Оказалось, что ничего подобного не было и в помине. Все были здоровы, а экипаж по-прежнему радовался жизни.

Но откуда взялся этот жалобный крик? На следующий день вместе с Наранхой его услышали и другие члены экипажа. Произошло это, когда я раскачивал ее гамак, подвешенный на креплениях палубы, и внезапно увидел, как она вздрогнула и побледнела. В этот момент из трюма послышался душераздирающий крик. Сэм Смит тут же затянул креольскую песню, которая заглушила все остальные звуки, но потрясший всех страшный вопль буквально застыл в наших ушах. Было очевидно, что на борту кого-то подвергают истязаниям.

Нет нужды объяснять, что пребывание на одном судне с братьями Смит и их сообщниками вынуждало нас постоянно быть настороже. По существу, мы были полностью в их власти, потому что если бы между нами завязалась битва, то их было бы четырнадцать против нас троих. Через несколько дней у меня появились новые поводы для беспокойства. Джонатан Смит, который был самым младшим из братьев, но умело навязывал им свою волю, стал слишком подолгу заглядываться на Наранху. Она страшно его боялась. Как только на ней останавливался его горящий взгляд, у девушки от ужаса замирало сердце.

Описать это невозможно. То, что творится в мозгу подобных негодяев, нельзя назвать любовью. В действительности их чувства сродни похоти дикого зверя. Я тоже начал чувствовать страх. Мне было ясно, что наша безопасность держится исключительно на понимании Джонатаном одной простой вещи: если он осмелится броситься на нас, то я мгновенно выпущу ему в голову шесть пуль из своего револьвера.

Как бы то ни было, мы в первую очередь должны были соблюдать осторожность. Наше плавание могло закончиться не раньше, чем через месяц. Поэтому я велел своим товарищам вести себя так, словно нам ничего не известно о зверствах братьев Смит, и попытался убедить Наранху, что крики ей попросту слышались. Однако каждый вечер до нас по-прежнему доносились душераздирающие вопли.

Все это напоминало не попытку убийства, а непрерывное бесконечное истязание.

Я постоянно призывал Грело и Мальгаша к максимальной бдительности и соблюдению осторожности, но разве можно что-то поделать с женским милосердием и любопытством. В итоге Наранха в тайне от меня сговорила с Мальгашем и Грело, и те стали выяснять, что в действительности происходит на борту судна. Постепенно они сумели докопаться до истины. Помогли исключительное чутье Мигеля Мариа, а также хитрость Грело, в которой он превосходил даже индейцев. Недаром говорят, что дикарю никогда не перехитрит парижанина.

Под нажимом Наранхи Мальгаш и Грело мобилизовали свои таланты и несмотря на неусыпный контроль братьев Смит все же сумели проникнуть в трюм. Там они обнаружили крохотный закуток. В нем содержалось какое-то несчастное существо, которому ежедневно устраивали допрос, стремясь выбить из него некое признание. Однако бедняга держался с неслышанным упорством. Наше плавание продолжалось уже три месяца, но Смиты так ничего от него и не добились.

Убивать его они не собирались и даже ухаживали за ним, когда он болел.

Однажды Грело удалось подслушать обрывок разговора, который стал для нас настоящим откровением. Джонатан Смит говорил несчастному: «Мы дадим тебе хорошую одежду и будем хорошо кормить, построим для тебя на палубе будку, в которой ты сможешь курить свои сигареты и нежиться на солнышке. Получишь сколько угодно пиноля и даже будешь участвовать в дележе, если скажешь, где зарыта бочка с золотым песком...»

Теперь нам все стало ясно. Несчастливым узником был негр Бамбо, прозванный человеком с бочкой золота. Мы также поняли, почему в день отъезда он не пришел прощаться со своей благодетельницей Наранхой.

С того момента мне стало еще труднее сдерживать своих товарищей. Возмущенная Наранха требовала, чтобы мы немедленно попытались его освободить. Она горько плакала и говорила: «Бедный Бамбо обещал мне, что я стану богатой, как королева. Только из-за меня он хранит свой секрет».

Мигель не проявлял такой же чувствительности, но мечтал отомстить своим обидчикам и уверял, что если мы разможем головы братьям Смит, то экипаж перейдет на нашу сторону. Грело же предлагал загнать братьев вместе с экипажем в трюм и заколотить все люки, как поступил капитан Сюркуф, когда он с четырьмя матросами доставил в Сен-Мало шестьдесят пленных англичан.

Конечно, всякое возможно, и я не утверждаю, что они были абсолютно неправы, но к тому времени из-за Наранхи я полностью переменялся. Я стал бояться за нее и заботился о ней, как родная мать. Когда я сторожил ее сон и видел ее детскую улыбку, мое сердце буквально таяло, и я испытывал неведомую мне нежность. Из-за нахлынувшего на меня счастья я стал крайне нерешительным. Мысль о том, что насильственные действия создадут угрозу для обожаемого существа, была мне невыносима.

Я пытался втолковать своим нетерпеливым товарищам, что Смиты заинтересованы в том, чтобы сохранить жизнь несчастному негру. Он знает место, где зарыто огромное богатство, и его смерть будет означать крах всех их надежд. Поэтому я твердо пообещал, что, как только мы бросим якорь в европейском порту, я приму все меры, чтобы освободить беднягу Бамбо.

Девять дней спустя, 4 февраля 1860 года, ближе к ночи «Святой Жан-Батист» вошел в залив Голуэй и встал на рейде в полумиле от берега. Теперь для нас первоочередным делом стало освобождение Бамбо. Я выпросил себе место в лодке, на которой братьев Смит собирались переправить в город, и запретил кому-либо сопровождать меня, чтобы не вызывать подозрений. На набережной я распрощался с братьями Смит. Я точно знал, как проводить вербовку членов новой команды, и в этом деле очень рассчитывал на свое хорошее знание английского языка, которому нас обучил Томас Стоун. Братья Смит видели собственными глазами, как я направился в расположенный в порту трактир «Три гиганта».

Однако, едва я вошел в общий зал трактира, как сразу попросил хозяина заведения, чтобы он отвел меня в полицейский участок.

Припортовый полицейский участок здесь считается окающим местом. Когда у сердобольной Европы дойдут наконец руки до кровоточащей ирландской раны, к которой англичане, привыкшие рассуждать о свободе, благородстве и терпимости, относятся с полнейшим безразличием, тогда мир узнает такое, что станет для него настоящим потрясением. Произойдет это нескоро, потому что гораздо проще и приятнее превозносить до небес английскую конституцию, провозглашая ее образцом открытости и человеколюбия. К тому же Ирландия давно уже не в моде.

Хозяин трактира взглянул на меня очень косо, а добропорядочные граждане, явившиеся насладиться местным пивом, шарахались от меня одновременно по двум причинам: потому что я говорил на чистейшем английском языке, которому обучился у Томаса Стоуна, и потому что интересовался дорогой в полицейский участок. Добрых полтора часа я бродил по улицам, пытаясь отыскать дом, в котором проживал начальник участка, а когда наконец нашел его, мерзкая служанка захлопнула дверь у меня перед носом, заявив, что она не понимает английский Томаса Стоуна.

К тому времени, когда часы на ратуше прозвонили десять часов вечера, я уже три часа бродил по разбитой мостовой столицы Коннахта¹⁷. Наконец какой-то сердобольный полисмен сообщил мне, что я смогу найти мистера Пруфа в его клубе. Клуб мистера Пруфа оказался обычным питейным заведением. Там я действительно обнаружил мистера Пруфа, который отдыхал от тяжких трудов, играя с каким-то толстомордым джентльменом в триктрак. Рядом с ними расположились полдюжины респектабельных джентльменов в рубашках сомнительной свежести. Все они крепко сжимали желтыми зубами короткие курительные трубки, делали ставки на играющих и пили неразбавленный виски. Не успел я и рта раскрыть, как мистер Пруф послал меня ко всем чертям и поинтересовался, не принял ли я его за *тюленя*.

Томас Стоун не говорил мне, что у англосаксов так называют служащих морской администрации.

Пришлось мне возвращаться в порт. Около одиннадцати часов я обнаружил трактир, в котором морской инспектор капитан О'Кир играл со своими благородными друзьями в шашки.

¹⁷ Провинция на севере Ирландии.

Капитан О'Кир поинтересовался, не принимаю ли я его за *ворону*. При этом он страшно разгневался.

Только на следующий день мне удалось привести констебля с четырьмя полицейскими на борт «Святого Жан-Батиста». Братья Смит находились на палубе и не мешали властям проводить расследование. Мало того, они приветствовали их крепкими рукопожатиями и заговорили между собой на каком-то странном языке, который лично для меня был так же понятен, как иврит. Томас Стоун никогда не обучал нас такому языку. Я выдал констеблю самые точные сведения, после чего он с полицейскими спустился в трюм и никого там не обнаружил. Исчезла даже сама будка, а весь трюм был заполнен разнообразным грузом.

Я испытал такой ужас, что весь покрылся холодным потом. Констебль потребовал, чтобы я уплатил штраф за ложный вызов, а когда я вошел в свою каюту, то тут же решил, что на судне произошло убийство. Кайота была пуста.

– Где моя жена? – закричал я. – Где мои компаньоны?

– Теперь вы видите, что он сумасшедший, – невозмутимо сказал Джонатан Смит.

– Причем очень опасный сумасшедший. Это очевидно.

Тут я заметил, что убранство каюты было полностью изменено. Теперь ничто здесь не выдавало присутствия женщины. Увиденное лишь усилило мое отчаяние.

Неожиданно силы оставили меня, и я позволил отнести себя в шлюпку. Меня будто подменили. Собрав волю в кулак, я обвинил братьев в убийстве, но в ответ слышал всеобщий смех.

Перед расставанием представители властей и братья Смит устроили попойку.

Когда мы подошли к набережной, мои глаза застилали кровавая пелена. Я был уверен, что на морском дне покоятся четыре трупа. Но тут мне в голову пришла мысль, от которой даже стало легче. Джонатан Смит находил Наранху слишком красивой, чтобы так просто взять и убить ее. Скорее всего, эти дьявольски хитрые люди где-то спрятали ее на борту...

– Выходите в море! – закричал я. – Я желаю вернуться, я хочу все видеть своими глазами! Даю пятьдесят унций золота тому, кто вернет меня на бриг!

Но мне никто не ответил. Констебль и полицейские стояли на набережной и любовались морским пейзажем.

В это же время «Святой Жан-Батист» поднял паруса и, поймав попутный ветер, быстро удалился в сторону Арранских островов.

Я смог лишь шепнуть: «Наранха!» – и без чувств свалился на землю.

Очнувшись я в бедной лачуге на берегу озера Кориб, которое находится на противоположном берегу залива Голуэй. Я лежал на кровати, а рядом стояли Мигель, Грело и Наранха и улыбались сквозь слезы. На соседней койке находился Бамбо. Его голова была обмотана окровавленными тряпками.

Оказалось, что друзья отправили Грело на поиски моего тела, и он обнаружил меня лежащим на набережной в окружении зевак, рассуждавших о вреде пьянства. Констебль и полицейские милосердно оставили меня в бессознательном состоянии, а сами пошли по своим делам.

Что же касается исчезновения на судне негра и моих товарищей, то дело обстояло так.

После того как старшие братья отправились в город, Джонатан Смит остался на судне за старшего. Из троих братьев младший, несомненно, был самым умным и опасным типом, но он обожал спиртное, и, как только надзор братьев ослабевал, он тут же предавался любимому занятию. А напившись, Джонатан превращался в дикого зверя.

Мигель слышал, что он заперся на камбузе, и на всякий случай приготовил оружие, потому что одному Богу было известно, что могло прийти в голову пьяному Джонатану. Следить за ним поручили Грело.

Джонатан провел на камбузе больше часа. Судно стояло в трех кабельтовых от суши, повернувшись к ней левым бортом. Время от времени до Мигеля и Наранхи доносились звуки

падающих в море тел. Оказалось, что оставшиеся без надзора матросы, мечтавшие попасть в местные питейные заведения, прыгали за борт и добирались до берега вплавь. Мигель успел насчитать десять ныряльщиков, когда явился Грело и сообщил, что на судне остались только юнга Джек и Джонатан Смит.

Как раз в этот момент Джонатан покинул камбуз. Он был бледен, бессмысленно таращил глаза и едва держался на ногах.

Младший Смит проковылял к нашей каюте и позвал Наранху, сопроводив свой зов недвусмысленными угрозами. Одновременно он схватил попавший ему под руку топор, но закачался, случайно ступил на трап и свалился в трюм.

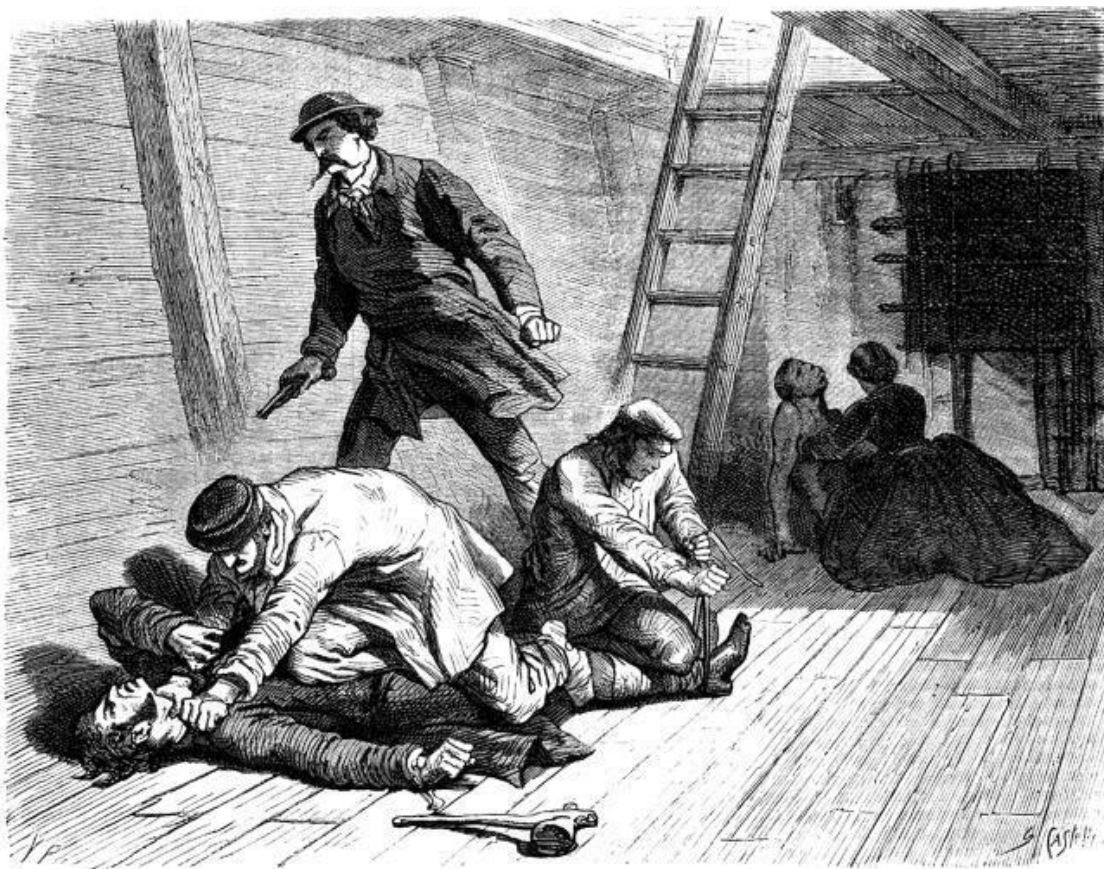
Через секунду послышался такой громкий вопль, что содрогнулось все судно.

Удержать Наранху не удалось, и она бросилась на помощь. Она единственная догадалась, откуда исходил этот крик, тогда как Грело и Мигель решили, что Джонатан при падении что-нибудь себе сломал. Но в действительности пьяный Смит скатился по трапу, как шар, не причинив себе ни малейшего вреда, а крик исходил из закутка, в котором заперли Бамбо. Подбежавший Мигель увидел, что негр находится при последнем издыхании, тихим голосом молит о пощаде, а Джонатан, словно бешеный, лупит его и приговаривает: «Я вырву из тебя твою тайну, мерзкое животное. Где находится бочка золота? Говори, где бочка золота? Я вскрою твой череп и разгадаю твою тайну!»

Одновременно на голову Бамбо сыпались жуткие удары.

Наранха бросилась на Джонатана и ее легкого тычка оказалось достаточно, чтобы сбить его с ног. Мигель тут же уперся ему в грудь коленом, а Грело мгновенно его связал.

Наранха перевязала негру раны, и он несмотря на страдания повеселел и все повторял: «Сам Бог послал тебя, Анита. Ты станешь богатой, как королева!»

Он тут же уперся ему в грудь коленом

Все это слышал Джонатан. На губах его выступила кровавая пена, и он бросал на Наранху угрожающие взгляды. Помнишь, я сказал тебе, что они хотят похитить Наранху. Причина в том, что женщины не в состоянии вынести пытку. А Бамбо был мужчиной.

Всеми последующими действиями командовала Наранха. Юнгу Джека привязали к мачте, затем спустили на воду гичку. Обо всем остальном ты и сам можешь догадаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.